

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма

Археология, история, нумизматика,
сфрагистика и эпиграфика

Supplement 2

М. Я. Чореф, К. С. Чореф, М. М. Чореф
**«Пещерный» монастырь
у Южных ворот Чуфут-Кале**

**Тюмень Нижневартовск
2016**

УДК 904:726.54(477.7)

ББК 63.4

Ч-75

Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Нижневартовский государственный университет

Издаётся по решению Ученых советов

Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Нижневартовского государственного университета

Ответственный редактор

М. М. Казанский — doctor habilitat of history,
director of research work in the CNRS
(UMR 8167 “The East and the
Mediterranean Sea”).

Научные рецензенты:

А. Г. Еманов — профессор, доктор исторических наук.
Ю. М. Могаричев — профессор, доктор исторических наук.
О. В. Шаров — доктор исторических наук.

Целью проведенного нами исследования стал поиск ответа на один из важнейших вопросов, стоящие перед учеными, изучающими историю раннесредневекового Крыма. Мы попытались установить время возникновения «пещерных» монастырей. Объектом исследования стал скальный комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале. Было установлено, что на его территории находился раннесредневековый монастырь. Нам удалось очертить пределы и установить длительность его существования.

Книга рассчитана на специалистов-историков, а также на студентов исторических специальностей, краеведов и всех прочих, интересующихся историей позднеантичного и средневекового Крыма.

Ключевые слова: Византия, Таврика, история, «пещерные города», Чуфут-Кале, «пещерный» монастырь.

Чореф М. Я., Чореф К. С., Чореф М. М. «Пещерный» монастырь у Южных ворот Чуфут-Кале / М. Я. Чореф, К. С. Чореф, М. М. Чореф ; отв. ред. М. М. Казанский. — Тюмень : ТюмГУ ; Нижневартовск : НВГУ, 2016. — 74 с. : ил. (Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма ; suppl. 2).

ISBN 978-5-89988-061-2
ISSN 2219-8857

© Тюменский государственный университет
© Нижневартовский государственный университет
© М. М. Чореф

Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea

Archaeology, History, Numismatics,
Sigillography and Epigraphy

Supplement 2

M. Ya. Choref, Ch. Sh. Choref, M. M. Choref
**“Cave” Monastery near
of the South Gate of Chufut-Kale**

**Tyumen Nizhnevartovsk
2016**

UDC 904:726.54(477.7)

BBK 63.4

Ch-75

Institute of history and political sciences of the Tyumen State University
Nizhnevartovsk State University

It is published according to the solution of Academic councils
of Institute of history and political sciences of the Tyumen State University
and Nizhnevartovsk State University

Editor-in-Charge

M. M. Kazanski — doctor habilitat of history,
director of research work in the CNRS
(UMR 8167 “The East and the
Mediterranean Sea”).

Scientific reviewers:

A. G. Emanov — professor, doctor of historical sciences.
Yu. M. Mogerichev — professor, doctor of historical sciences, .
O. V. Sharov — doctor of historical sciences.

In this study purpose be setting to get answer on very important question at medieval history of the Crimea. We tried to date the time of origin a “cave” monastery. The object of study became rock complex near South gate of Chufut-Kale. Now we found out that, on this territory was early medieval monastery and we can to identity its outline and period of existence.

This book for professional historians, students, regional specialists and all interested of late antiquity and medieval Crimea.

Key words: Byzantium, history of Taurica, “mountain towns”, Chufut-Kale, “cave” monastery.

Choref, M. Ya., Choref, Ch. S., Choref, M. M. 2016. “Cave” Monastery near of the South Gate of Chufut-Kale. *Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. Suppl. 2. Tyumen; Nizhnevartovsk: “Nizhnevartovsk state university” Publ. (in Russian).

ISBN 978-5-89988-061-2
ISSN 2219-8857

© Tyumen State University
© Nizhnevartovsk State University
© M. M. Choref

Оглавление

Введение.....	7
Глава 1. История изучения группы пещер у Южных ворот городища Чуфут-Кале	20
Глава 2. Описание культовых помещений	30
2.1. Пещеры первого яруса	30
2.2. Пещеры второго яруса	38
2.3. Археологические материалы	46
Заключение	52
Литература	57
Список сокращений	72

Contents

Introduction	7
Chapter 1. History of the study of group of caves near of the South Gate of settlement Chufut-Kale	20
Chapter 2. Description cult buildings	30
2.1. Caves of the first tier	30
2.2. Caves of the second tier	38
2.3. Archaeological materials	46
Conclusion	52
References	57
List of Abbreviations	72

Введение

Уже не первое поколение исследователей изучает древние памятники Горного Крыма. В том числе и самые заметные, а, следовательно, известные и посещаемые — т.н. «пещерные города». Как правило, они расположены на южных склонах Внутренней гряды Крымских гор. «Пещерные города» протянулись цепью от среднего течения р. Альмы до устья р. Черной (рис. 1).

В современной исторической науке так называют различные по типу и времени возникновения и существования комплексы. Речь идет о средневековых городищах и селищах, замках, укреплениях¹ и монастырях, а также об отдельных храмах или часовнях (Веймарн 1992: 163—169; Герцен, Махнева-Чернец 2006; Герцен, Могаричев 1996; Могаричев 1992: 5—132; Могаричев 1997; Могаричев 2010). Самые известные из них: Бакла, Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Кермен, Успенский монастырь, Тепе-Кермен, Кыз-Кермен, Качи-Кальон, Сюйренская крепость, Чилтер-Коба, Чилтер-Мармара, Шулдан и Инкерман.

«Пещерные города» — комплексы разной величины. Площадь самого большого из них — Мангупа — составляет ок. 90 га, а самого маленького — Тепе-Кермена — всего ок. 1 га. (Могаричев 1992: 6; Могаричев 2010: 7).

Судя по результатам археологических исследований, они возникли в раннем средневековье (Могаричев 1997; Могаричев 2010). Причем пещеры выполняли культовую, оборонительную, жилую, погребальную или хозяйственную функции. Впрочем, их предназначение могло неоднократно меняться².

Как правило, пещеры дополнялись наземными сооружениями. Однако большая их часть разрушилась после того, как поселения были оставлены жителями. Так что термин «пещерные города» весьма условен. Но он общепринят в современной исторической науке,

Рис. 1. «Пещерные города» Крыма.

Fig. 1. “Cave towns” of the Crimea.

¹ Лучшее исследование средневековых укреплений Таврики вышло из-под пера В. Л. Мыца (Мыц 1991).

² Об этом см. ниже.

т.к. позволяет наиболее точно очертить круг этих средневековых памятников, и, тем самым, дает возможность выработать общие представления об их истории.

К сведению читателя, «пещерные города» расположены не только в Крыму. Они известны в материковой части России (Шевченко 2010; Шевченко 2011b: 244—274), на Украине (Шевченко 2010), на Балканах (Атанасов 1993: 66—77; Атанасов 1984: 91—98; Атанасов 1989: 50—56; Атанасов 1990; Атанасов, Чешмежиев 1990: 110—140), в Азербайджане³, в Грузии⁴, а также в Китае⁵, в Индии⁶, в Турции⁷ и в других странах. Причем они встречаются не только в горной местности. Пещеры отрывали в глине, а также в плотном грунте.

Рис. 2. «Пещерный город» Тепе-Кермен.

Fig. 2. The “cave town” Tere Kermen.

³ В процессе изучения пещерных комплексов Крыма нами были проштудированы работа Г. М. Гаприндашвили, посвященная комплексу Давид-Гареджи (Гаприндашвили 1975; Гаприндашвили 1987).

⁴ Речь идет о таком широко известном комплексе, как Вардзия (Мелитаури 1975).

⁵ Напоминаем о существовании храмового комплекса Цяньфодун в Дунъхуане и гротов Юньгана близ Датуна.

⁶ Имеем ввиду пещерные храмы Аджанты, Амарнатхи, Бадами, Варахи, Канхери, Удаягири, Ундавалли, Элефанты и Эллора.

⁷ Нельзя не упомянуть о пещерных комплексах Каппадокии. О монастырях этого региона см. (Rodley 1985).

Однако объектом нашего исследования стали только «пещерные города» Крыма. Учитывая это обстоятельство, сконцентрируем внимание исключительно на их изучении. И сразу же заметим, что они были основаны отнюдь не случайно. Уже с первого взгляда становятся очевидны их особенности: природная неприступность⁸ и наличие искусственных пещер, вырубленных преимущественно на обрывистых склонах крымских куэст (рис. 2). Последнее обстоятельство и стало причиной появления и объяснением столь длительного использования упомянутого названия. На самом деле на территории «пещерных городов» Крыма в древности было много наземных строений, сложенных из камня, глины и дерева⁹. Однако большая их часть не сохранилась. И тому есть масса причин. Начнем с того, что эти здания многократно перестраивали сами жители. Кроме того, строения гибли в результате пожаров и землетрясений¹⁰, а также вследствие нашествий. После же оставления «пещерных городов» населением, почти все их наземные строения или превратились в развалины¹¹, или были разобраны на строительный материал и свезены в долины¹². В результате от большинства древних зданий остались едва заметные следы: развалы камней, поросшие деревьями и кустарником или же вырубленные в скале углубления для укладки стен¹³. Зато хорошо сохранились многочисленные пещеры, образовавшиеся в результате воздействия природных сил или высеченные человеком. Они, а точнее, пещерные культовые сооружения, расположенные по южному склону гор. Чуфут-Кале, и являются объектом нашего исследования.

Но вначале объясним причину массового появления рукотворных пещер. Начнем с того, что прорубить их было несложно, причем даже в глубокой древности. Ведь относительно мягкий крымский известняк¹⁴ легко поддается механической обработке. Особенно в том случае, если он пропитан водой. Впрочем, достаточно его лишь слегка увлажнить. Так что было вполне допустимо даже не выискивать участки скал у источников влаги, а попросту смочить их, а потом подвергнуть механической обработке. Для этого использовали обычные кирки, застуны, топоры, ломы, дробильные молотки, лопаты и

⁸ Собственно, это обстоятельство позволяет считать их убежищами.

⁹ Как правило, дерево шло на кровли. Ведь камня в «пещерных городах» было более чем достаточно. Примечательно, что такие сооружения часто пристраивали к скалам, поскольку известны вырубки под сваи перекрытий в отвесных подрубках их известняковых составляющих.

¹⁰ Полагаем, что целесообразно учесть схему землетрясений, предложенную В. В. Хапаевым (Хапаев 2008: 89—116). Напомним, что этот ученый, изучил и по-новому истолковал содержащиеся в письменных источниках свидетельства об этих катаклизмах в Причерноморском регионе (Хапаев 2008: 89—116). В результате он выделил только те из них, которые могли иметь место на Крымском полуострове. Мы находим работу В. В. Хапаева кардинально важной, потому что выводы исследователя позволяют по-новому, куда более объективно, осветить историю «пещерных городов». Так, крайне важно и перспективно заключение историка о том, что землетрясение 1341 г. не могло достигнуть Крыма (Хапаев 2008: 93). Мы вернемся к этому обстоятельству в свое время.

¹¹ Исключением являются кенассы городища Чуфут-Кале. За их состоянием внимательно следят сотрудники БИКиАМЗ.

¹² Так, остатки наземных сооружений Чуфут-Кале и расположенного близ него Успенского монастыря были в начале XX в. использованы для строительства Бахчисарая (Герцен, Могаричев 1993: 111; Прохоров 2014: 286).

¹³ Особо интересны такие вырубки в отвесных скалах. Речь идет о выемках для монтирования несущих опор крыш, а также стен. Они, как нельзя лучше, иллюстрируют наш тезис. Не менее интересны и многочисленные ямы, вытесанные в скальной поверхности. Как правило, в них хранили продукты. Само их наличие позволяет проследить расположение усадеб, определить плотность населения, а также степень развития земледельческой культуры древних цивилизаций.

¹⁴ В Крыму распространены ракушечный и мшанковый известняки. Из первого сложены горы Южного берега Крыма, а из второго — скалы Внутренней гряды. Если ракушечник быстро выветривается, и, вследствие этого, не сохраняет преданные ему человеком формы, то мшанковый известняк, в силу своей плотности, со временем твердеет, и, в результате этого, сохраняет следы деятельности человека на века.

молоты¹⁵. Сглаживать стены могли с помощью ручных режущих или шлифовальных инструментов. Высохнув, скальный материал становился прочным и крепким.

Причем эта технология была безотходной. Ведь отделенные от скалы обломки камня с успехом могли быть использованы для наземного строительства. Для этого их не обязательно было подтесывать. Бутовый камень вполне мог быть применим не только для строительства хозяйственных сооружений и заборов, но и жилых помещений. С учетом этого обстоятельства обитатели Таврики активно осваивали горные районы, испещряя их многочисленными пещерами.

Интересно, что эта древняя технология применима и в настоящее время. Нам известны современные дома в старой части г. Бахчисарая, пристроенные к искусственным пещерам или даже к подтесанным скалам. Таким же образом были устроены церкви Успенского монастыря. Примечательно, что при возрождении монастырского комплекса, они были воссозданы в прежнем виде (рис. 3).

Рис. 3. Успенский пещерный монастырь.

Fig. 3. The Assumption Monastery of the Caves.

Но не только этому обстоятельству обязаны своим возникновением крымские «пещерные города», изначально создаваемые как убежища. Ведь не случайно они располагаются, как правило, на южных — крутых склонах Внутренней гряды Крымских гор. И большая часть «пещерных городов» изучаемого нами региона являются довольно мощными для средневековья, можно даже сказать, неприступными крепостями. Речь, в

¹⁵ Процесс высекания пещер детально описал Л. Родли (Rodley 1985: 225).

первую очередь, идет о Мангупе и Эски-Кермене.

Впрочем, «пещерные города» служили не только крепостями. К ним относят и многочисленные «пещерные» монастыри, которые, в силу своего предназначения, не могли быть исключительно оборонительными объектами. Ведь наследники монастырей были активными миссионерами¹⁶.

Кроме того, в многочисленных селищах Горного Крыма также бытовала практика рубки пещер. И это не удивительно. Местные жители стремились учесть и использовать с максимальной отдачей природные богатства региона своего проживания. Ведь, таким образом они без лишних хлопот получали подвалы, подсобные помещения или загоны для скота.

Что же касается времени и обстоятельств основания «пещерных городов», то по данному вопросу существует множество мнений. Поэтому исследование таких комплексов Крыма все еще нельзя считать завершенным (Могаричев 1992: 6). Однако практически общепринято считать древнейшие поселения этой группы раннесредневековыми (Могаричев 2010: 15).

Но не это обстоятельство видится нам самым важным. Куда существеннее то, что пещеры активно используются вплоть до настоящего времени. Как правило, для хозяйственных целей. Действительно, с древности в них довольно часто устраивали не только подвалы и загоны для животных, но и объемные, иногда даже многоэтажные склады¹⁷. Могли размещать в пещерах и ремесленные мастерские¹⁸. Причем это было довольно удобно. Так, в пещерах находилось вредное производство: проводилась выделка кожи, в них лили и ковали металл, а также работали плотники. Благо рабочее место можно было организовать с помощью считанных ударов киркой по податливому, но, в тоже время, довольно прочному и долговечному скальному материалу¹⁹. В результате такие хозяйствственные комплексы обрамляют позднесредневековые поселения Крыма.

Заметим, что искусственные пещеры, как и прочие архитектурно-археологические артефакты, являются ценнейшими источниками исторической информации. Будучи одновременно памятниками зодчества и строительной техники, они позволяют сформировать представление об уровне развития производственных сил, организации труда и эстетических нормах эпохи, а также о господствующей идеологии в эпоху их создания (Раппопорт 1982: 3).

Кроме того, в пещерах жили²⁰. Так, пещеры служили казематами, казармами и кельями²¹. До сих пор многие из них являются комнатами домов, пристроенных к отвесным скалам.

¹⁶ Мы обратимся к этому аспекту в свое время.

¹⁷ Один из таких складов располагался в пещере Чауш-Кобасы у Средней стены городища Чуфут-Кале. Обычно туристам объясняют, что в этом помещении держали и пытали заключенных. Но это не так. В этой двухэтажной пещере хранили скропортические продукты: сыры и копчености. Их держали в металлических шкафах, следы которых сохранились на нижнем этаже. Верхнее помещение пещеры служило для приема и выдачи продуктов.

¹⁸ В одной из таких пещер Бахчисарай, высеченной в крупном останце, расположеннем близ дороги на пути из Бахчисарай в Староселье, еще в 1980-х гг. находилась мастерская сапожника.

¹⁹ Следует учесть и то, что скальная поверхность абсорбировала неприятные запахи и отходы кожевенного производства, тем самым, делая «пещерные города» чище.

²⁰ При этом поверхность скалы штукатурили, монтировали окна и двери, устанавливали переносные или высекали выемки для стационарных очагов. Тем самым пещеру делали вполне пригодной для проживания.

²¹ К слову, в таких кельях до сих пор живут монахи в монастыре Челтер-Мармара. Примечательно, что братия не провела ни воду, ни электричество. Можно сказать, что в монастыре живут настоящие подвижники.

Наконец, пещеры могли быть культовыми сооружениями. Хорошо известны «пещерные» церкви, трапезные, кельи и часовни (Герцен, Могаричев 1996; Могаричев 1997; Могаричев 2010), а также многочисленные отдельные могилы и костницы²².

Однако это не означает, что пещеры использовались исключительно по своему первоначальному предназначению. Напротив, полы, стены и своды большинства из них несут на себе следы неоднократных подрубок. И это не случайно. Раз в пещерах жили, сражались, молились или работали, то их регулярно переустраивали²³. Тем более что податливый, но, в тоже время прочный скальный материал можно было в любой момент подрубить по желанию пользователя.

Но это обстоятельство не было отмечено первыми исследователями. Собственно, оно их даже не заинтересовало. Ведь время их пребывания в «пещерных городах» было крайне непродолжительно. Так, первое описание этих крымских поселений оставил монах Матфей, посетивший полуостров в кон. XIV в. Он составил описание г. Феодоро в жанре плача — популярного тогда жанра византийской литературы. Путешественник записал следующее: «увидел храмы выдающиеся, мозаиками вымощенные. И купольные, и базиликоподобные, и круглые по (рас)положению... Найдя лестницу твердую из самородного камня, я спустился вниз и увидел там пол и потолок из самородной скалы, высеченные весьма приятные дворцы, келии светоносные окна красивейшие, направленные на восток» (Герцен 2003: 583). Позже «пещерные города» Крыма осмотрели и описали дипломаты: француз Блез де Вижинер²⁴ (Могаричев 2010: 8) и поляк Мартин Броневский²⁵ (Могаричев 2010: 8) — посол короля Речи Посполитой Стефана Батория (1575—1586). Также весьма ценные воспоминания о посещении «пещерных городов», оставленные турецким путешественником и дипломатом Эвлией Челеби (Книга путешествия 1999: 36—37), русским священником Иаковом, побывавшим в Крыму в 1634 г. вместе с московским посланником Дворениновым (Оболенский 1850: 685—692), а также префектом Кафы Э. Д. Д'Асколи (Описание Черного моря 1902: 119). Но их заметки крайне фрагментарны. Собственно, путешественники стремились запечатлеть лишь свои ощущения от пребывания в этих центрах. Так что в результате прочтения их текстов формируется лишь общее представление о жизни в «пещерных городах». Так что нет оснований считать записки вышеперечисленных путешественников подробным описанием мест.

Первым путеводителем по «пещерным городам» Крыма стало описание достопримечательностей полуострова, подготовленное для Екатерины II (1762—1796), посетившей его в 1787 г. Так, на страницах, посвященных Севастопольской гавани, написано, что: «в самой древности в берегах ее жили тавры, коих жилища и по сие время в крутизне каменных утесов иссечены, во многих местах еще целы» (Путешествие 1786: 73—74). Как видим, составители этого труда не только описали достопримечательности региона, но и пытались датировать и объяснить появление «пещерных городов». Действительно, вполне логично было связать появление таких убежищ с потребностями грозных античных пиратов.

Первое серьезное исследование по истории средневекового Крыма, в котором затрагивались интересующие нас проблемы, вышло из-под пера Й. Тунманна. Ученый, описывая Тепе-Кермен, акцентировал внимание читателя на том, что его пещеры могли

²² Речь идет о погребениях при «пещерных» храмах. Они хорошо известны и при наземных культовых сооружениях.

²³ Примеры таких доделок будут нами рассмотрены несколько ниже.

²⁴ Был в Крыму в 1573 г.

²⁵ Посетил Крым в 1578 г. Описал пещеры Инкермана.

использоваться для погребений (Тунманн 1936: 36). При этом Й. Тунманн полагал, что их оставили готы, принявшие православие, и, таким образом, византийскую культуру (Тунманн 1936: 36).

Однако его точка зрения не получила признания. Судим по тому, что П. С. Паллас счел возможным выдвинуть собственное объяснение появления «пещерных городов» Крыма. Ему было хорошо известно о гонениях на христиан. Учитывая это обстоятельство, он допустил, что: *«Пещеры ... это — работа монахов во время средневековых императоров или более поздних»* (Паллас 1999: 50). При этом ученый настаивал на том, что эти священнослужители были сторонниками учения Ария (Паллас 1999: 50).

Таким образом, уже в кон. XVIII в. в исторической науке возникло три подхода к изучению «пещерных городов». Первый акцентирует внимание на этнической атрибуции таких комплексов. Второй основывается на отслеживании фактов функционального использования пещер. В свою очередь, третий предлагает сделать упор на выяснении религиозных аспектов их появления.

Последняя точка зрения сразу же нашла своих адептов. Так, с выводами П. С. Палласа согласились профессор Кембриджского университета Э. Кларк, а также видные и просвещенные священнослужители — украинские митрополиты: униат С. Богуш-Сестренцевич (Могаричев 2010: 9) и православный Е. Болховитинов (Могаричев 2010: 9).

Однако выводы П. С. Палласа не принял П. И. Сумароков. Он записал, что: *«...готы, отродия скифов, оставшиеся здесь в малом числе, притом преследуемые как от греков, так и от прочих народов, видя запертый себе выход из Тавриды, при необходимости утверждали себе такие обиталища»* (Сумароков 1803: 215—216).

Его гипотезу по-своему развил Ф. А. Козен. Он допустил, что пещеры Крыма были высечены доисторическими троглодитами — пещерными жителями, будто бы владевшими искусством размягчать скалу. Как ни странно, это его весьма спорное представление нашло благодарных адептов. Дело в том, что на территории полуострова были обнаружены стоянки людей каменного века. Был сделан вывод, что первобытные жители Крыма могли и высекали пещеры (Могаричев 2010: 9—10).

Заметим, что у нас нет оснований удивляться разнообразию этих точек зрения. Ведь древности Крыма довольно долго не оказывались в поле зрения специалистов — историков. Путешественников же привлекал исключительно сам факт существования «пещерных» поселений. Точнее, им было трудно смириться с мыслью, что их современники могли жить в столь непривычных, и, какказалось, ужасных условиях²⁶. И если ученые старались как можно точнее обосновать свои выводы, то дилетанты оставили только восторженные романтические описания увиденных ими красот, к сожалению, до сих пор бездумно тиражируемые многочисленными популяризаторами исторических знаний.

Однако все они: как ученые, так и дилетанты, допустили ряд прискорбных ошибок. К сожалению, состояние исторической науки в тот период не позволяло выработать методику исследования этих комплексов. В результате, как ученые, так и дилетанты ограничились сбором сведений о «пещерных городах» у местных жителей, практически не уделив внимания проверке полученной информации. Кроме того, они не оставили ни обмеров, ни карт, ни подробных описаний объектов своих исследований. Так что многие их выводы заслуженно забыты.

²⁶ По данным, собранным П. С. Палласом, воду в Чуфут-Кале поднимали из долины, причем стоила она по тем временам очень дорого — по пять копеек за бочонок (Паллас 1999: 32). Заметим, что в то время в Крыму за ведро хорошего вина платили до 1 рубля (Паллас 1999: 34).

И это не удивительно. В эпоху ввода в научный оборот памятников античного и средневекового Крыма, куда больший интерес, и, следовательно, дискуссии в ученой среде вызывали не многочисленные пещеры, а гораздо более редкие, причем изящно оформленные древние лапидарные памятники — закладные плиты или памятные надписи с пространными греческими и латинскими текстами, а также античные и средневековые монеты. Тем более что подходы к их изучению уже к тому времени были довольно хорошо разработаны²⁷.

Однако начало научного крымоведения было положено именно в эту эпоху. Ведь тогда изучением артефактов, находимых на полуострове, занялся П. И. Кеппен. В своем в «Крымском сборнике» — первом фундаментальном исследовании по истории древней и средневековой Таврики, он привел тщательное и продуманное описание «пещерных городов» (Кеппен 1837: 235—290, 309—318, 321—322). Основываясь на собранной и тщательно проверенной информации, ученый попытался сформулировать гипотезу, объясняющую их происхождение.

К сожалению, П. И. Кеппен при этом не опирался на результаты археологических исследований — их тогда в Горном Крыму еще не проводили²⁸. Ученый был вынужден штудировать только сохранившиеся письменные источники, а также осмысливать результаты их исследований, проведенных им и его предшественниками. Так что со многими его выводами трудно согласиться. К примеру, П. И. Кеппен полагал, что Инкерман был основан древними греками, которые, по его логике, и высекли многочисленные пещеры (Кеппен 1837: 36). При этом ученый считал необходимым обратить внимание читателя на созвучие арабских и турецких слов с названиями местностей в Крыму (Кеппен 1837: 36), не учитывая тот факт, что полуостров в 1475—1774 гг. входил в состав Османской империи. Далее, он пишет, что принимает точку зрения Й. Тунманна, писавшего, что пещеры Инкермана были оставлены готами, принявшими православие, и, таким образом, воспринявшими византийскую культуру (Кеппен 1837: 237—238; Тунманн 1936: 36).

Не стоит удивляться тому, что многие его выводы не были восприняты научной общественностью. Так, только одесский исследователь И. С. Андриевский в своей статье «Развалины Мангупа», пришел к выводу, что «Искусство каменной отделки в подземельях есть остаток зодчества греческих поселенцев» (Могаричев 2010: 10), то Ф. Дюбуа де Монпере считал, что «пещерные города» Крыма создали его первобытные жители (Могаричев 2010: 10).

Новый этап изучения истории «пещерных городов» начался во второй половине XIX в. В 1853 г. А. С. Уваров — российский археолог, основатель Московского археологического общества (Энциклопедический словарь 1901: 418—419), провел первые в истории раскопки на территории Горного Крыма. Он изучал городище Мангуп. Ученым были исследованы пещерные гробницы у оборонительной стены цитадели. Но эти работы вряд ли можно считать системными. А. С. Уваров ограничился только обмерами, планами и рисунками заинтересовавших его крипта (Уваров 1910).

Археологическое исследование «пещерных городов» было продолжено в последней четверти XIX в. Так, в 1880 г. К. С. Мережковский — первооткрыватель палеолитических

²⁷ Мы считаем это обстоятельство крайне важным. Действительно, куда проще изучать объекты, методика исследования которых не только апробирована, но и общепризнанна.

²⁸ В связи с этим можно упомянуть только раскопки на территории античных и средневековых центров побережья Таврики. Так, в 1816 г. П. Дебрюкс возле здания Керченской таможни обнаружил городскую стену Пантикопея. В 1827 г. по распоряжению командующего Черноморским флотом А. С. Грейга были исследованы три церкви Херсонеса. В том же году на территории Неаполя Скифского найден барельеф с изображениями Скилура и Палака.

памятников²⁹ каменного века в Крыму, провел первые исследования на территории Баклы и Эски-Кермена (Герцен, Махнева-Чернец 2006: 7). Ученый пришел к выводу, что их пещеры не могли быть оставлены первобытными людьми (Герцен, Махнева-Чернец 2006: 7).

В 1890 г. Ф. А. Брун обратил внимание на древности Мангупа (Герцен, Махнева-Чернец 2006: 7). Заметим, что ученый поставил перед собой цель найти памятники готов (Герцен, Махнева-Чернец 2006: 7) и не интересовался пещерными комплексами. Однако важно то, что он начал раскопки большой базилики и окtagона на территории цитадели (Герцен, Махнева-Чернец 2006: 7). Так что есть все основания считать его первооткрывателем культовых комплексов этого городища.

В связи с этим нельзя не упомянуть и раскопки, проведенные на Мангупе Р. Х. Лепером, на тот момент — директором Херсонесского музея. Он раскопал большую базилику, часть цитадели и дворец мангупских князей³⁰. К сожалению, он не уделял этим работам должного внимания. В результате их курировали не специалисты, а доверенные лица археолога. К сожалению, фиксация обнаруженных при раскопках артефактов толком не велась.

Стоит отметить и работы художника Д. П. Струкова. В 1876 г. он выполнил обмеры ряда церквей Инкермана, Мангупа, Шулдана и Тепе-Кермена (Струков 1876). Исследователь предпринял первую попытку исследовать литургическое устройство «пещерных» церквей (Струков 1876).

Самые ранние подлинно научные, высокопрофессиональные публикации по истории «пещерных городов» вышли из-под пера «патриарха крымоведения» А. Л. Бертье-Делагарда³¹. В 1886 г. он издал подробные описания, в том числе архитектурные обмеры, всех известных ему «пещерных» храмов Инкермана, Чилтер-Мармары и Шулдана (Бертье-Делагард 1886: 166—279; Бертье-Делагард 2012: 7—153). Его работы остаются актуальными и до сего дня.

Пещерные сооружения Тепе-Кермена были изучены Н. А. Боровко (Боровко 1913), а Баклы — И. М. Волошиновым и Н. И. Клепининым (Волошинов, Клепинин 1913: 151—160). Ими же были высказаны соображения по вопросу атрибуции этих городищ. Ученые заключили, что Тепе-Кермен мог быть древним монастырем, а Бакла — крупным раннесредневековым поселением.

Однако все эти «точечные» исследования не позволяли выработать концепцию, позволяющую объяснить появление «пещерных городов» в Горном Крыму. Кроме того, оставалось неясным, когда эти центры появились и почему существовали так долго. Наконец, требовалось дать убедительное объяснение факту возникновения «пещерных городов» в основном только на склонах Внешней гряды Крымских гор. Ведь их массовое появление на Южном берегу было бы вполне ожидаемо. Все эти вопросы требовали системного, масштабного изучения древностей региона. Однако при последних российских императорах его провести не было никакой возможности. На такие работы не отпускалось средств. Кроме того, принятая тогда система взаимоотношений государства и церкви не позволяла изучать культовые объекты. Они находились в полной власти религиозных

²⁹ Речь идет о мустерских памятниках: Волчий грот в долине р. Бештерек и Кабази на р. Альме.

³⁰ Атрибуцию этого памятника, расположенного близ Лагерной балки, у подъема на плато, вряд ли можно считать окончательной. Надеемся, что планомерное изучение этого объекта, проводимое экспедицией КФУ им. В.И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена и его учеников позволит по-новому осветить историю этого интересного памятника.

³¹ Последнее издание его работ по интересующему нас вопросу подготовлено Фондом «Наследие тысячелетий» (Бертье-Делагард 2011; Бертье-Делагард 2012).

структур.

Масштабное изучение средневековых памятников Юго-Западного Крыма, в т.ч. и «пещерных городов», развернулось вскоре после установления Советской власти. Так, пещерные комплексы Эски-Кермена были исследованы Н. Л. Эрнстом (Эрнст 1929: 25—36), В. П. и П. П. Бабенчиковыми (Абрамова 2015: 109), Н. И. Репниковым (Абрамова 2015: 110—114), В. И. Равдоникасом (Абрамова 2015: 114), В. Н. Даниленко (Даниленко 1994: 127—145; Даниленко 1994: 127—145; Воронин, Даниленко 1992: 169—181), а также Е. В. Веймарном, М. Я. Чорефом и их соавторами (Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф 1974: 123—138; Веймарн, Чореф 1976; Веймарн, Чореф 1978: 139—153). Необходимо отметить и фундаментальное исследование О. И. Домбровского, посвященное росписям пещерных церквей средневековой Таврики (Домбровский 1966). Однако не все эти работы можно считать системными, планомерными и продуманными. Дело в том, что их авторы — археологи, как правило, обратились к исследованию пещерных комплексов исключительно с целью атрибуции изучаемых ими культурных слоев. Однако в «пещерных городах» они, к сожалению, крайне невыразительны. Подобного рода отложения образуются только во впадинах, куда стекается натечный грунт, или же на месте развалов. Причем их вряд ли можно считать непотревоженными. Ведь из-за дефицита места наземные сооружения «пещерных городов» многократно перестраивались, так что такого рода натеки являются классическим примером переотложенных слоев. Пещеры же могли быть заполнены грунтом только после прекращения их использования. Следовательно, историческая ценность образующихся в них отложений крайне низка. Она всего лишь дает основания констатировать, что поселение жило до того периода, когда использовались артефакты, выпавшие в слой. Но из этого отнюдь не ясно, когда наблюдался пик заселенности «пещерного» поселения и почему оно могло быть оставлено жителями.

Стоит обратить внимание на то, в ряде таких поселений бытоваля практика регулярной подчистки поверхности. Как правило, это делали не для гигиенических целей, а для сбора воды. Так поступали в Чуфут-Кале в последний период существования поселения³², т.е. в XVII—XVIII вв. Его жители не только прорубили на скальной поверхности желобки, фильтры—отстойники и емкости для сбора воды, но и, по-видимому, тщательно подчищали и сбрасывали со склонов остатки своей жизнедеятельности. Не удивительно, что культурный слой на большей части этого городища крайне невыразителен и содержит, как правило, только позднейшие артефакты, когда жизнь на одноименном плато стала замирать.

Кроме того, на склонах скал, а именно там находятся пещеры, не сохраняются следы древних разрушений. Как правило, их смывают в долины селевые потоки, а также выдувают ветры. Так что основным носителем исторической информации о таких комплексах являются сами пещеры, а, точнее, их своды, стены и полы.

Отметим и то, что перечисленные ученые не имели навыков изучения пещерных сооружений. Даже технология их исследования на тот момент не была выработана³³. В

³² После землетрясений, произошедших в 1615, в 1626, в 1640 и в 1656 гг. (Хапаев 2008: 94), по-видимому, иссякли родники, снабжавшие водой жителей плато. Последние были вынуждены собирать дождевую воду или поднимать ее из долины подручными средствами (Паллас 1999: 32). Полагаем, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль в оставлении Чуфут-Кале его жителями.

³³ Методика датирования пещерных сооружений с учетом техники обработки их поверхности была предложена Ю. М. Могаричевым (Могаричев 1992: 3—131, рис. 1—100; Могаричев 1993: 213—224; Могаричев 1997). Она строится на различиях в технике обработки скальной поверхности. Сравнительно недавно А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдуков и М. С. Желтов попытались уточнить схему изучения культовых памятников Горного Крыма (Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72—80). Ученые предложили акцентировать внимание не на технике обработки поверхности, а на литургическом устройстве (Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72—73). В

результате ученых не интересовали пещеры как самостоятельные объекты исследования³⁴.

Ситуация стала меняться только в последнее время. К исследованию пещерных культовых комплексов Горного Крыма приступили Т. А. Бобровский (Бобровский 2001: 256—278; Бобровский, Чуева 2007: 181—212), Т. Ю. Яшаева (Яшаева 1994: 71—81; Яшаева 1998: 198—200; Яшаева 1999: 349—358; Яшаева 2006: 321—360; Чореф, Яшаева 2008: 434—447), Н. В. Днепровский (Днепровский 2008а: 131—143; Днепровский 2008б: 49—75; Днепровский 2010: 41—69; Днепровский 2011: 148—186; Днепровский, о. Виктор 2011б: 187—207; Днепровский 2011б: 208—243; Днепровский 2012а: 125—193; Днепровский 2012б: 194—206; Днепровский 2013а: 108—138; Днепровский 2013б: 139—161; Днепровский 2014: 417—455; Днепровский, Чореф 2007: 18—25; Днепровский, Чореф 2013: 187—194), Е. В. Неделькин (Неделькин 2015: 184—190), Н. П. Турова (Турова 2013: 79—105; Турова 2014а: 88—89; Турова 2014б: 93—173; Турова 2015: 154—183), а также К. С. Панченко и М. М. Чореф (Панченко, Чореф 2008: 58—59; Панченко, Чореф 2009: 225—228; Чореф 2008д: 67—70). Нельзя обойти вниманием фундаментальные исследования Ю. М. Могаричева (Могаричев 1992: 5—132; Могаричев 1993: 213—225; Могаричев 1994: 57—67; Могаричев 1997; Могаричев 2008: 82—90; Могаричев 2010), в том числе и в соавторстве с А. Г. Герценом (Герцен, Могаричев 1992: 182—192; Герцен, Могаричев 1993; Герцен, Могаричев 1996; Герцен, Могаричев 2001: 279—319). Эти ученые выработали оригинальные и во многом плодотворные подходы к атрибуции этих комплексов. Однако ни одна из них не стала общепринятой. Стало быть, изучение «пещерных» церквей и часовен Таврики все еще не завершено.

С учетом этого обстоятельства, считаем возможным вынести на научное обсуждение следующие тезисы. Предлагаем обращать внимание на следы первоначального оформления пещер и их позднейших переделок, сохранившиеся не только на полу и стенах, но и на сводах этих помещений. Обычно же исследователи не обращают на него внимания. В лучшем случае они прослеживают только форму свода пещеры и технологию его рубки по Ю. М. Могаричеву (Могаричев 1992: 5—132, рис. 1—100). Считаем, что этого явно недостаточно. Мы же, в свою очередь, использовали этот подход при изучении пещерных культовых объектов. Кроме того, считаем целесообразным отслеживать соединяющие их древние пути. Ведь прохождение таких дорог позволяет определить структуру монастырей.

Полагаем, что нам удалось разработать новую методику выявления пещерных культовых объектов. Попытаемся обосновать ее как можно тщательнее.

Как уже было сказано выше, объектом нашего исследования стали только те пещеры, которые есть все основания считать культовыми. И это не случайно. Мы ставим перед собой цель апробировать нашу методику, как нам кажется, позволяющую выявить такого рода сооружения, учитывая сохранившиеся даже в результате переделки элементы их

результате ими была предложена вполне убедительная модель исследования, учитывающая тенденции развития византийской храмовой архитектуры (Полевой 1973: 11—73, 94—115, 138—344; Оустерхаут 2005; Шукуров 2002). Однако их концепция не позволяет отслеживать модификации сооружений. Учитывая это обстоятельство, мы выносим на научное обсуждение нашу концепцию исследования пещерных сооружений.

³⁴ Стоит отметить единственное исключение, только подтверждающее общее правило. Речь идет о работах крымского археолога М. Я. Чорефа. Он уделил большое внимание изучению «пещерных городов», рассматривая его в ином ракурсе, чем подавляющее большинство его коллег. Его интересовали не только особенности архитектуры таких сооружений, но и элементы их оформления. Ученый собирал сведения об обнаружении знаков, граффити и культовых символов, пытался истолковать их появление (Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф 1974: 123—138; Веймарн, Чореф 1976; Веймарн, Чореф 1978: 139—151; Веймарн, Чореф, Чореф 2007: 49—56; Чореф 1974: 69; Чореф 1985: 67; Чореф 1993; Чореф 1997: 220—228; Чореф, Чореф 2007: 49—56; Чореф, Чореф 2008: 78—79; Чореф, Чореф 2009: 229—234). Полагаем, что анализ собранных им материалов может поднять изучение «пещерных городов» на новый уровень.

первоначального интерьера.

Сразу же отметим, что культовые скальные комплексы выявлены на территории каждого «пещерного города». Так что процесс их изучения может быть стандартизирован. В то же время эти сооружения достаточно разнообразны по своему современному устройству, что создает определенные трудности. Учитывая это обстоятельство, А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдуков и М. С. Желтов разработали схему датирования пещерных культовых комплексов, отражающую эволюцию православного канона (Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72—80). Но, как верно заметил А. Е. Мусин, «истоки церковной археологии на Православном Востоке лежат в символическом толковании литургического обряда и истории его с одной стороны, и в развитии богословия образа с другой» (Мусин 1993: 145). Позднее, при изучении литургических особенностей семидворского храма, он заключил, что «выводы об отражении богослужебных ритуалов в плане конкретного храма зачастую носят гипотетический характер» (Мусин 2015: 271). Кроме того, ученый доказывает, что при изучении культовых объектов важно не только выявить «возможную принадлежность памятников к различным «литургическим провинциям», но и учесть культурно-хронологическую дистанцию между изучаемыми явлениями» (Мусин 2015: 271). Мы принимаем его выводы. Действительно, у нас не может быть оснований строить схемы датирования пещерных культовых комплексов исключительно с учетом их литургического устройства.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что культурные новшества, принятые в центральных регионах Византии, распространялись на ее периферии со значительной временной задержкой³⁵. Причиной тому стала как традиционность тогдашнего общества, так и восприятие церкви не только как объекта отправления религиозных потребностей, подправляемой в соответствии с требованиями времени, но и как святыни. В таком случае, тиражирование ее образа является одним из средств постижения³⁶. Таким образом, у нас есть все основания оснований полагать, что отмеченные А. Ю. Виноградовым, Н. Е. Гайдуковым и М. С. Желтовым особенности оформления «пещерных» церквей могли воспроизводиться значительно дольше, чем считают эти исследователи.

Конечно, изложить в сравнительно небольшой работе аналитику изучения и датирования многочисленных культовых памятниках «пещерных городов» практически невозможно. Учитывая это обстоятельство, обратим внимание на комплекс пещер у Южных ворот городища Чуфут-Кале, расположенного близ Бахчисарай.

Надеемся, что в результате обоснования и успешного апробирования предлагаемой методики появится возможность выявления и датирования культовых пещерных комплексов, лучше всего освещавшая их историю, но и, с учетом простоты использования, позволяющая привлечь внимание к этой теме молодых исследователей, в том числе студентов и старших школьников, что, в свою очередь, является актуальной задачей настоящего времени.

Кроме того, выявление и датирование культовых сооружений на территории «пещерных городов» определенно поможет по-новому осветить историю этих поселений, убедительно установить время и обстоятельства их возникновения, проследить события, произошедшие в период их существования и выяснить обстоятельства гибели и оставления населением.

³⁵ Один из наших авторов проследил это обстоятельство при изучении памятников нумизматики (Чореф 2015b).

³⁶ Примером тому является общепринятое в современной Русской православной церкви воспроизведение образов святых с молитвенно поднятыми двумя пальцами правой руки. Этот жест трактуется как имясловное благословение.

Полагаем, что данная методика может быть применима и для изучения культовых памятников иных регионов мира, в которых, как и в Горном Крыму, распространены «пещерные города». Речь, в первую очередь, идет о памятниках Балкан, Закавказья и Каппадокии.

Целью исследования является оценка целесообразности применения разрабатываемой технологии изучения культовых сооружений «пещерных городов», поиск ее возможных недочетов и исправление их.

Задачами исследования стала, во-первых, разработка методики, позволяющей выявить, описать, изучать и датировать культовые комплексы Горного Крыма; во-вторых, с целью проверки основных положений этой схемы исследования, планируется изучение пещерного комплекса у Южных ворот Чуфут-Кале; наконец, в-третьих, мы ставим перед собой задачу разработать схему корреляции полученных результатов с выводами, сделанными археологами в ходе исследования пещерных объектов.

Объектами исследования являются существующие и апробируемая методики изучения пещер Горного Крыма, разработанные с целью выявления и датирования пещерных культовых сооружений.

Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, предполагающий корреляцию исторических источников: археологии, христианской археологии и эпиграфики в процесс изучения культовых комплексов «пещерных городов» Горного Крыма.

Источниковой базой исследования послужили такие исторические источники, как памятники скальной культовой архитектуры Горного Крыма, расположенные на территории городища Чуфут-Кале, изучение которых поможет осветить актуальные вопросы исследования подобного класса сооружений, расположенных в прочих «пещерных городах» региона.

Мы считаем рассматриваемые нами вопросы актуальными, т.к., несмотря на многовековое изучение, до сих пор неясна причина, побудившая раннесредневековых жителей Таврики основать «пещерные» монастыри, а также устроить скальные церкви и часовни. Однако отметим, что ключевые моменты этой проблемы разобраны А. Г. Герценом и Ю. М. Могаричевым (Герцен, Могаричев 1993; Герцен, Могаричев 1996; Герцен, Махнева-Чернец 2006), а также изложены в неопубликованных отчетах М. Я. Чорефа (Чореф 1972; Чореф 1973; Чореф 1974; Чореф 1977). Наши выводы во многом основываются на результатах их исследований.

ГЛАВА 1. История изучения группы пещер у Южных ворот городища Чуфут-Кале

Итак, нас интересует небольшой, сравнительно компактный и доступный для посещения и изучения, можно даже сказать, показательный комплекс, расположенный близ г. Бахчисарая, у Южных ворот в средневековое гор. Чуфут-Кале (рис. 4).

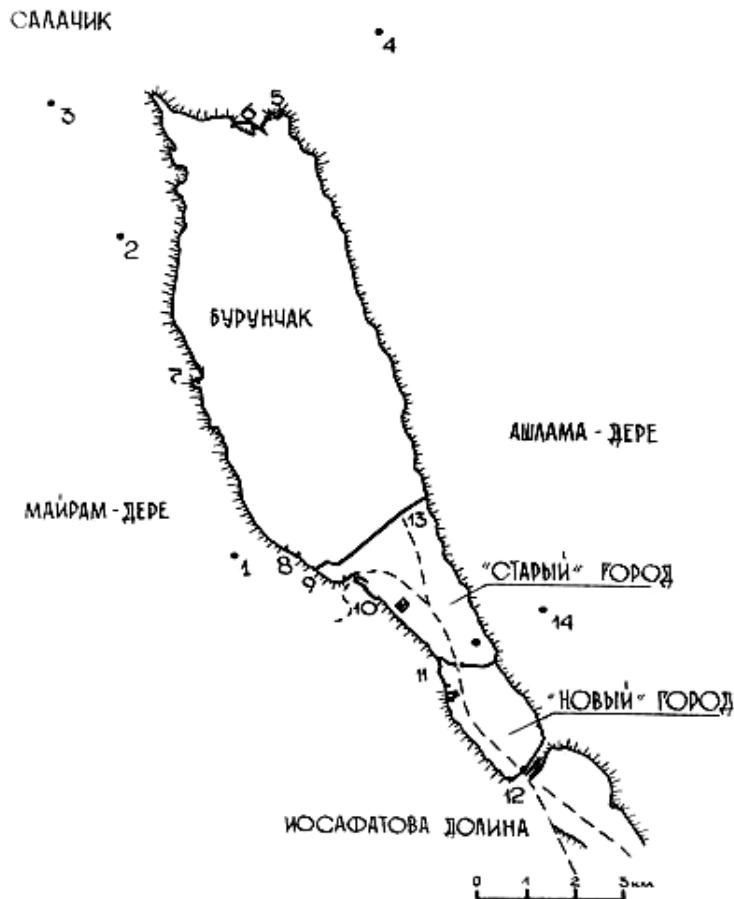

Рис. 4. Ситуационный план Чуфут-Кале и его ближайшей окружности (по Герцен, Могаричев 1993: 5): 1, 4, 14 — раннесредневековые могильники в Марьям-Дере (1), на территории Салачика (4) и в Ашлама-Дере (14); 2 — руины Мариамполя; 3 — комплекс дюрбе Хаджи Гирая I и Зинджарлы-медресе; 5—8 — оборонительные стены: Биюк-Исар (5), Кичик-Исар (6), Дут-Исар (7), Пенджере-Исар (8); 9 — Южные ворота Кичик-Капу; 10 — кенассы; оборонительные стены: Средняя (11), Восточная (12) и стена Бурунчака (13).

Fig. 4. The Situational plan of Chufut Kale and its district (after Gertsen, Mogarichev 1993: 5): 1, 4, 14 — early medieval cemeteries in Maryam Dere (1), on the territory of Salachik (4) and Ashlama Dere (14); 2 — Marijampsols ruins; 3 — complex Türbe of Haci Giray I and Zincirli Madrasa; 5—8 — defensive wall: Büyük Isar (5), Kicik Isar (6), Doot Isar (7), Pendzhere Isar (8); 9 — South gate Kicik Kapu; 10 — Karaite kenesas; defensive walls: Mid (11), East (12) and the wall of Burunchak (13).

Сразу же заметим, что этот объект был выбран нами отнюдь не случайно. И, в любом случае, не только с учетом перечисленных аспектов. Обратим внимание на то, этот комплекс находится как на огражденной стенами территории одноименного «пещерного города», так и за его пределами, на склоне плато (рис. 5). Мы находим это обстоятельство крайне важным. Оно дает основание задуматься о первоначальных размерах и границах поселения³⁷, а также проследить его территориальное развитие во времени. Безусловно, это позволит по-новому, причем куда более объективно, осветить историю не только Чуфут-Кале, но и средневекового Крыма, в т.ч. и пока еще не изученные должным образом проблемы возникновения и существования «пещерных городов».

³⁷ Считаем, что эти пещеры в древности должны были быть защищены. В них, в мертввой зоне обстрела, могли накапливаться силы противника для решающего штурма укрепления. Понятно, что в незащищенных пещерах не могли находиться наблюдатели. Ведь они, в таком случае, оказались бы крайне уязвимы. Полагаем, что первоначально оборонительная стена проходила значительно ниже по склону, защищая весь пещерный комплекс. Этот тезис мы постараемся обосновать по мере изложения материала.

Мы считаем эту задачу кардинально важной. Ведь о «пещерных городах» молчат письменные источники³⁸. На их территории крайне редки памятники эпиграфики. Часто находят разве что знаки, из которых самыми распространенными являются кресты различной конфигурации³⁹. К слову, нам неизвестны даже первоначальные названия этих центров. Мы именуем их так же, как и жители позднесредневековой Таврики — крымские татары. А они застали большую часть «пещерных городов» уже разрушенными.

Напомним также, что археологическое изучение такого рода памятников длительное время не проводилось, да и сейчас в силу естественных обстоятельств, весьма затруднено. Собственно, оно целесообразно только на самых крупных «пещерных городах», таких, как Мангуп и Эски-Кермен. В данном случае учитывается как площадь поселения и удаленность его от современных населенных пунктов, так и вероятность обнаружения на его территории непотревоженных слоев, а также закрытых комплексов, содержащих ценные с исторической точки зрения материалы⁴⁰.

Рис. 5. Пещерный комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале. Видна лестница от пещер через стену в город.

Fig. 5. The Cave complex near South gate of Chufut Kale. We can see the stairs from the Caves through the wall into the city.

³⁸ Не считаем необходимым участвовать в дискуссии по вопросу подлинности т.н. «Записки готского топарха», т.к. принимаем безупречно обоснованные выводы И. И. Шевченко (Ševčenko 1971: 117—188).

³⁹ Полагаем, что по ним можно датировать пещерные комплексы.

⁴⁰ Речь идет о кладах и погребениях с инвентарем. К сожалению, обнаружение их на территории «пещерных городов» крайне маловероятно. Редчайший случай обнаружения монетного сокровища близ Чуфут-Кале разобран В. В. Майко (Майко 2009: 101—103) и М. М. Чорефом (Чореф 2008а: 272—273, рис., 16; Чореф 2011: 359, прим. 1). Как правило, археологи учитывают единичные находки металлических изделий, в том числе монет, а также исследует развалы керамики, образовавшиеся в результате хозяйственной деятельности жителей поселений.

В тоже время оно затруднено на экскурсионных объектах, к примеру — на Чуфут-Кале. Дело в том, что массы туристов, ежегодно посещающие как это городище, так и прочие «пещерные города», не только выбивают их поверхность, уничтожая или втаптывая в грунт артефакты, но и подчас лишают археологов возможности проводить масштабные раскопки. В т.ч. летом, наиболее подходящем для этого времени года.

Следует учесть тот факт, что посетители — дилетанты и поныне практически беспрепятственно коллекционируют древности, находимые на территории древних поселений. К сожалению, они не фиксируют регионы их приобретения и не сообщают о них специалистам. В результате многие, подчас ценнейшие в историческом смысле артефакты, оказываются утерянными для науки.

Значительной проблемой остается стремление многих туристов оставить автограф на древних стенах «на память». Таким образом, они основательно уничтожают древние надписи и знаки — бесценные, а подчас и единственные источники исторической информации.

В результате со временем регулярно посещаемые районы «пещерных городов» оказываются настолько разрушенными, что их исследование вряд ли представляется возможным. Это обстоятельство и подвигло нас на исследование пещерного комплекса у Южных ворот Чуфут-Кале, размещенного как раз на туристической трассе.

Но, *ad rem*. Отсутствие или незначительные объемы требуемой информации в раннесредневековых письменных источниках, редкость и эпиграфических памятников⁴¹, и сопутствующего нумизматического материала⁴², а также объективные сложности при проведении археологических исследований, не позволяют на желаемом уровне осветить историю возникновения ряда «пещерных» комплексов⁴³. В частности, до сих пор продолжается дискуссия о дате основания поселения на месте гор. Чуфут-Кале⁴⁴. В результате до сих пор нет единых мнений по вопросу об обстоятельствах их появления, а также о характере использования большинства типов пещер.

Эти выводы полностью относятся и к заинтересовавшему нас комплексу. В пещерах на южном склоне Чуфут-Кале нет оснований видеть группу хозяйственных пещер: хлевов и ремесленных мастерских, или же жилые помещения. Вслед за А. Г. Герценом и Ю. М. Могаричевым полагаем, что это был монастырский комплекс (Герцен, Могаричев 1993: 43—44; Могаричев 2010: 257). Однако ученые не смогли выявить сам храм (Герцен, Могаричев 1993: 44; Могаричев 2010: 257). Так что не удивительно, что до сих пор нет единых мнений

⁴¹ Большинство опубликованных в настоящее время раннесредневековых эпиграфических памятников из Горного Крыма не могут осветить период возникновения т.н. «пещерных городов». Важным шагом вперед стал выход в свет IOSPE V, составленного А. Ю. Виноградовым (IOSPE V). Надеемся, что с изданием полного их каталога, в которых будут изданы вновь найденные тексты, мы получим столь необходимую информацию, без которого объективное освещение истории «пещерных городов», да и, собственно, средневекового Крыма поистине невозможно.

⁴² Он хорошо прослежен только на Мангупе. Судим по краткой сводке, вышедшей из-под пера О. А. Быкова (Быков 1953: 435) и по серии публикаций М. М. Чорефа. Речь идет об определениях монет, найденных экспедицией Таврического национального университета им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена и его учеников (Чореф 2007b: 290—298; Чореф 2009b: 408—410; Чореф 2010: 274).

⁴³ Конечно, археологические материалы пригодны для освещения исторической ситуации того периода. Но нам кажется, что привлечение иных источников информации значительно упростит изучение процессов становления «пещерных городов». Считаем, что разработка научной теории датировки таких сооружений, выводы которой будут коррелированы как с нумизматическим, так и с эпиграфическим и литургическим (в случае, когда предметом изучения оказываются культовые комплексы) материалами, позволяет не только определить время возникновения этих поселений, но и детально проследить их историю. Изучение культовых комплексов может дать наиболее ценные сведения о времени и обстоятельствах их появления.

⁴⁴ Его укрепления датируют кон. VI—VII, IX—X, X—XI и XII вв. (Могаричев 2010: 248). Ю. М. Могаричева. Вернее всего, крепость была основана в кон. VI—VII в. (Могаричев 2010: 247—248).

по вопросу о первоначальном назначении этой группы пещер. Собственно, не ясна и дата их возникновения.

Учитывая цель исследования, мы не ставим перед собой задачи решить все эти проблемы. Так как археологическое обследование этого района городища не было завершено в конце прошлого века⁴⁵ и с той поры не возобновлялось, то нам остается только попытаться ввести в научный оборот результаты проведенного в 2005—2008 гг. обследования этих, как мы считаем, культовых сооружений.

Начнем с краткой справки по истории изучения заинтересовавшего нас пещерного комплекса. Он впервые был описан турецким путешественником Эвлией Челеби⁴⁶. Известно, что этот самобытный историк⁴⁷ дважды посещал Крым во времена Ислам Гирая III (1054—1064 гг.х., 1644—1654) и Мухаммед Гирая IV (1051—1054, 1064—1076 гг. х., 1641—1644, 1654—1666). В своей «Книге путешествия» — в мемуарах, написанных на склоне лет, он изложил воспоминания от посещения Крыма. В них речь идет и о крепости Гевхер-Керман⁴⁸ — так Эвлия Челеби называл Чуфут-Кале. По его словам, пещеры у Южных ворот были заселены беднейшими жителями (Книга путешествия 1999: 36). И это не удивительно. Да, скальные вырубки не были столь комфортны, как наземные строения. Однако они все же были довольно удобны для устройства ремесленных мастерских. По крайней мере, их переустройство не создавало проблем. Достаточно было считанных ударов киркой по податливой скале, чтобы получить новую ванну для выделки кож или выемки для полки или крепления шкафа с инструментами.

Полагаем, что в этих пещерах в момент посещения Эвлией Челеби Чуфут-Кале могли работать кожевники, а также кузнецы и плотники. В них выявлены каменные ванны для вымачивания кожи, а также водостоки для слива использованной жидкости. Обнаружены жаровни и неширокие каменные столы, пригодные для монтирования наковален и верстаков. Вполне возможно, что мастера и их помощники проживали там же, где и работали.

В тоже время у нас нет оснований полагать, что в этих пещерах могли содержать

⁴⁵ Последние масштабные раскопки были проведены в 1988 г. (Герцен, Могаричев 1993: 31). Археологи под руководством А. Г. Герцена исследовали участок у тыльной стороны Биюк-Исар. В ходе работ было выявлено и прослежено три археологических слоя: раннесредневековый (VI—IX вв.) и два позднесредневековых, совокупно датируемых XIV—XVII вв. (Герцен, Могаричев 1993: 31). Изучив находки и обстоятельства их выпадения в слои, археологи датировали возведение стены на этом участке VI в. (Герцен, Могаричев 1993: 31). В ходе той же экспедиции была раскопана усадьба на северном участке Восточной стены, которую по нумизматическому материалу можно датировать посл. четв. XVIII в. В 1991 г. археологи из Молдавского государственного университета раскопали усадьбу, расположенную севернее кенасс. Было установлено, что в ней находилась школа, функционировавшая в кон. XVIII — нач. XIX в. К сожалению, масштабные раскопки на территории Чуфут-Кале прервались вскоре после распада СССР. В последний период исследование поселения практически прекратилось. Нам известно только о проведении на его территории охранных и реставрационных работ. В самых масштабных из них, в ходе которых была восстановлена стена Пенджере-Исар, принимали участие сотрудники КРУ БИКЗ А. В. Белый и С. В. Карлов (Белый, Карлов 2003: 71—77; Карлов, Белый 2008: 161—90). К слову, в фондах этого музея хранится уникальная коллекция лапидарных памятников, найденных на территории «пещерных городов», в т.ч. и на Чуфут-Кале (Лазаренко 1992: 193—209).

⁴⁶ Мы вынуждены заметить, что собранные этим путешественником сведения, как правило, крайне недостоверны. Особенно любил Эвлия Челеби преувеличивать. Но иногда он приводит и правдоподобные сведения. Так, им довольно верно описаны достопримечательности Бахчисарай и Чуфут-Кале. Предполагаем, что Эвлия Челеби мог видеть следы обитания в районе Южных ворот этого «пещерного» города.

⁴⁷ Лучше всего его биография изложена Е. В. Бахревским во введении к подготовленному им изданию фрагментов из «Книги путешествия», содержащих сведения о Крыме (Книга путешествия 1999: 3—5).

⁴⁸ Эвлия Челеби назвал крепость Гевхер-Керман — «Крепость драгоценностей» (Книга путешествий 1999: 36). Он полагал, что в древности ее стены были украшены драгоценными камнями, выломанными татарами (Книга путешествий 1999: 36). Мы же полагаем, что замеченные им и сохранившиеся до настоящего времени выбоины в стенах нет оснований оценивать как показатель процветания района.

животных. Многочисленные, различного сечения выемки в полу, встречающиеся в изучаемых криптах, отнюдь не способствовали содержанию в них домашнего скота. Во-первых, в них бы животные ломали ноги. Во-вторых, кормить и поить их могли из деревянных лоханей, а не из выемок, вытесанных в скальном грунте, на полу пещер, причем, как правило, довольно глубоких и узких. Ведь так было бы значительно удобнее. В-третьих, в заинтересовавших нас углублениях могли накапливаться стоки, которые, в свою очередь, было довольно трудно собрать и удалить.

С учетом этого обстоятельства заключаем, что каналы для стока жидкостей служили для удаления отходов ремесленного производства. Вернее всего, в заинтересовавших нас пещерах в последний период их использования дубили кожу.

Полагаем, что домашний скот выпасали на мысе Бурунчак. На его территории могли находиться и загоны, которые представляли собой наземные сооружения. Вполне возможно, что для этой цели использовали и редкие пещеры, расположенные на склонах этого мыса. От города же Бурунчак был огражден невысокой стенкой, возведенной, по-видимому, с целью недопущения животных на улицы города.

Следует учесть и то обстоятельство, что Чуфут-Кале при Эвлие Челеби, как и ряд иных горных слобод в окрестностях Бахчисарай, представляло собой гетто для немусульманского населения (Кеппен 1837: 316; Книга путешествия 1999: 36—37; Чореф 2007а: 381). Его жители ежедневно спускались в столицу ханства для того, чтобы продать свои изделия. Однако в конце дня были вынуждены укрываться в отведенном для них поселении — в столице им жить запрещалось (Кеппен 1837: 316; Книга путешествия 1999: 36—37; Чореф 2007а: 381). Так что дефицит площади побудил их оптимально использовать поверхность плато, на котором расположена Чуфут-Кале. В результате не только наземные строения, но и пещеры в XVII в. оказались заселены, что и зафиксировал Эвлия Челеби (Книга путешествия 1999: 36).

Ситуация изменилась в результате вхождения Крыма в состав России. Религиозные ограничения⁴⁹ были отменены, и дискриминируемые прежде по религиозному признаку ремесленники и купцы смогли покинуть Чуфут-Кале. Уже в конце XVIII в. они заселили торговые города Крыма. При этом район у Южных ворот и расположенный на его территории пещерный комплекс был покинут одним из первых. Судим по тому, что многочисленные путешественники, посещавшие Крым в XVIII—XIX вв., уже не обращали на этот район поселения никакого внимания. Даже педантичный П. С. Паллас ничего не писал о жителях этого района Чуфут-Кале (Паллас 1999: 32). Похоже, он уже был необитаем.

Есть все основания полагать, что к тому времени жители переселились в Новый город Чуфут-Кале. Следовательно, путешественники стали въезжать в город через Восточные ворота. В результате П. С. Паллас мог не посетить изучаемый нами пещерный комплекс.

Примечательно и то, что ученый путешественник не знал о существовании в этом районе поселения ремесленного производства. Собственно, о том, что там некогда жили люди, вскоре после 1783 г. уже забыли. И навряд ли судьба этого района интересовала последних обитателей Чуфут-Кале. Тем более что уже к кон. XIX этот древний город был покинут жителями. В начале XX в. его смотрителями стали переселенцы из Литвы — троцкайские караимы Дубинские (Прохоров 2014: 285), не знавшие историю Чуфут-Кале.

Только в 1888 г., во время экскурсии Симферопольской мужской казенной гимназии⁵⁰,

⁴⁹ Речь идет о запрете лицам, не исповедующим ислам, проживать в столице ханства. На территории городища жили караимы и армяне (Герцен, Могаричев 1993: 95; Могаричев 2010: 251).

⁵⁰ Эта гимназия, основанная в 1812 г., до Октябрьской революции была крупнейшим и авторитетнейшим учебным заведением на полуострове. Ее преподаватели не только ставили перед собой задачу дать своим

пещерный комплекс был впервые обследован⁵¹. Хотя такую цель ее организаторы не ставили. В процессе осмотра древнего города преподаватели и гимназисты заинтересовались одной из пещер. Путь к ней и ее описание приведены организатором экспедиции и директором Симферопольской гимназии А. Н. Поповым. По его словам, «все повернули влево и стали подниматься по довольно крутой тропинке. Вскоре показалась между развалинами разработанная для пешеходов дорожка с камнями в виде ступенек, значительно облегчавших подъем. Направо по входе в ворота, при разделении дорог, были осмотрены остатки пещерной церкви, по указанию сторожа и по его словам, здесь была живопись⁵², возле церкви усыпальница, из больших пещер некоторые окружены выдолбленными возвышенностями, может быть тоже усыпальницы. В церкви алтарная часть полукруглая, в тех местах обратил внимание гул пустоты» (Вторая учебная экскурсия 1888: 71).

Мы находим этот фрагмент текста крайне интересным. Постараемся разобрать его как можно тщательнее. Начнем с того, что экскурсанты поднимались не по тропинке, а по остаткам дороги, хорошо сохранившейся до настоящего времени⁵³ (рис. 6). Хотя, вполне возможно, что к тому времени она была скрыта под руинами окрестных сооружений, наносами и заросла травой и кустарниками. Для ее мощения использовали бутовый камень. Причем он размещен довольно хаотично. Но, в любом случае, в нем нельзя признать ступени. Что же касается развалин, ограждавших дорогу, то, по-видимому, А. Н. Попов имел ввиду городские стены — т.н. «каменный мешок»⁵⁴ у Южных ворот (рис. 6).

Заметим, что само же обилие остатков строений на территории изучаемого районе как нельзя лучше свидетельствует о его заселенности в период процветания. Однако то обстоятельство, что пошедший на них камень не был вывезен с плато в долину, наводит нас на мысль, что в позднейшую эпоху существования поселения район у Южных ворот был покинут его обитателями. В результате его территория была столь основательно заброшена,

ученикам необходимый багаж знаний, но и прививали любовь к родному краю. Так что не случайно ее руководство практически сразу после основания этого учебного заведения, стало организовывать экскурсии по Крыму. По-суги это были прогулки, совершившиеся не регулярно, без определенной цели, как правило, природоведческой и краеведческой направленности. Однако уже в 1880-х гг. преподаватели гимназии смогли организовать три больших экскурсии, можно даже сказать — экспедиции по историческим памятникам Крыма. Так, в 1886 г. были осмотрены Севастополь и его окрестности: Балаклава, Инкерман и Херсонес. В 1888 г. состоялась многодневная экспедиция по Горному Крыму. Во время ее экскурсанты посетили Бахчисарай, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Эски-Кермен и Мангуп. В 1889 г. они осмотрели окрестности Симферополя, в т.ч. и руины Неаполя Скифского. По результатам экспедиций составлялись отчеты, публиковавшиеся в «Таврических губернских ведомостях», а также отдельными изданиями (Первая учебная экскурсия 1889; Вторая учебная экскурсия 1888; Третья учебная экскурсия 1890). Крымоведческая ценность этих работ поистине неоценима (Попов 2006: 116—120).

⁵¹ Отметим, что сам характер проведения экскурсии свидетельствует о возобновлении научного интереса к пещерным городам Крыма в посл. четв. XIX в.

⁵² Следов росписи во времена А. Н. Попова уже не было, так что искать их сейчас нет смысла. О какой росписи идет речь — судить довольно трудно. Вернее всего, она не была культовой. Допускаем, что сторож заметил изменение цвета известняка под воздействием деятельности человека. Как правило, причиной тому могло стать размещение в пещере небольшой печки.

⁵³ Правда, она страдает от наплыва туристов.

⁵⁴ Это весьма примечательное сооружение, по-видимому, традиционно трактуется как важное фортификационное сооружение, ключ к обороне города. Действительно, враг, прорвавшись через Южные ворота, должен был оказаться между стен, на которых вполне могли находиться защитники города. Но вряд ли они могли представлять серьезную угрозу. Дело в том, что стражи крепости, размещенные на внешней стене, должны были стоять на узком парапете. Развернуться же на нем довольно сложно. Кроме того, стражи крепости в случае такого прорыва оказались бы беззащитными перед нападающими, т.к. никаких защитных сооружений для них построено не было. Мы не зря акцентируем внимание читателя на этом вопросе. Ведь, отказавшись от идеи «каменного мешка», мы тем самым, будем вынуждены по-новому взглянуть на идею оборонительных пещер, расположенных напротив Южных ворот в Чуфут-Кале.

что о развалинах не знали даже жители Бахчисарай.

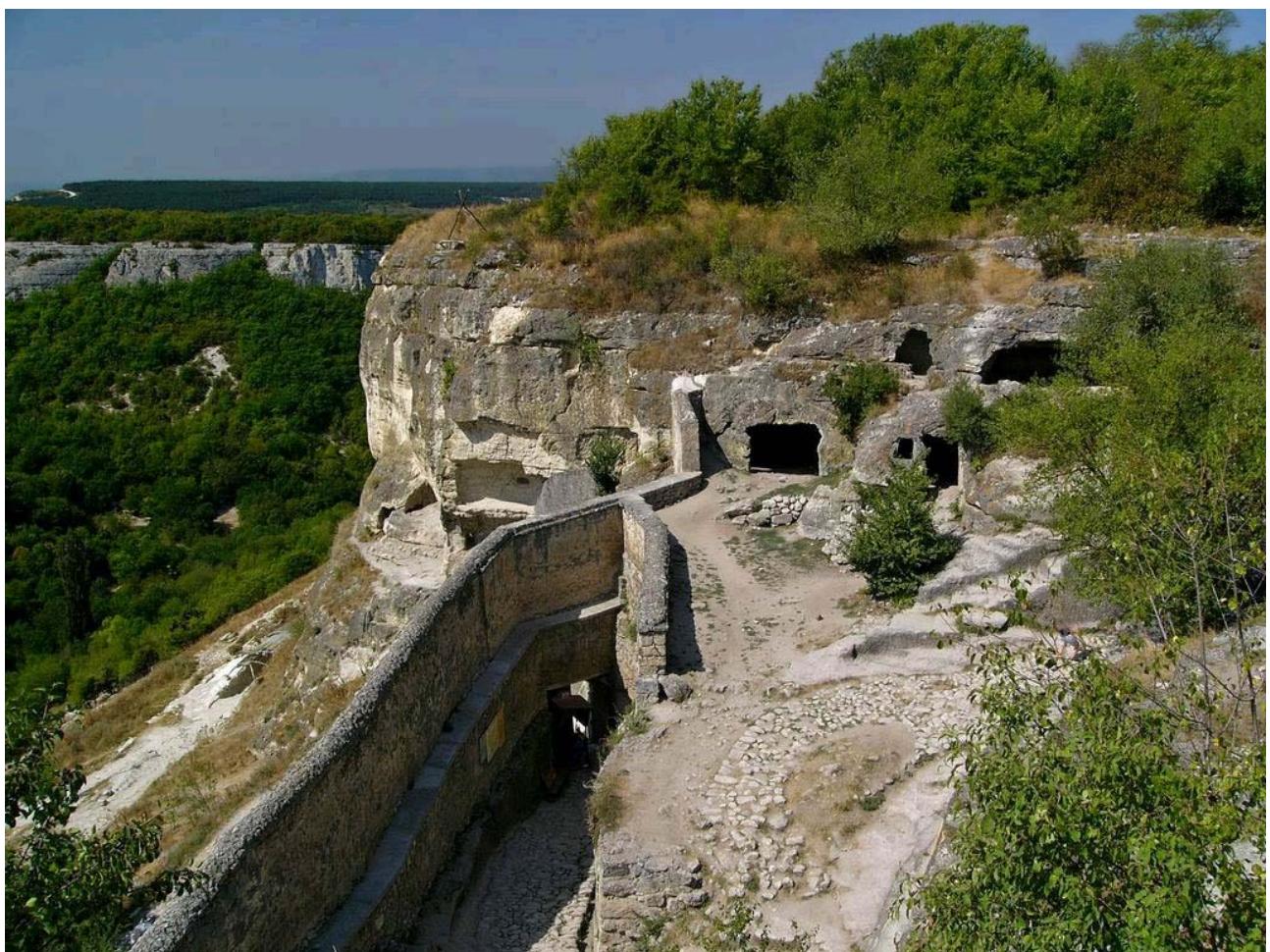

Рис. 6. «Каменный мешок» и дорога от Южных ворот в город.

Fig. 6. The “Stone trap” and the way from the South gate to the city.

Однако интерес к поселению все же сохранился. Судим по тому, что его посетили не только многочисленные путешественники, но и все российские самодержцы (Прохоров 2014: 273—298), начиная с Екатерины II (1762—1796), кроме ее сына Павла I (1796—1801). Сохранились памятные доски с надписями в их честь (Прохоров 2014: 273—298, рис. 1—4). Караваны на территории городища построили дворец⁵⁵ для августейших путешественников (Прохоров 2014: 273—298, рис. 6, 13). Но государи со свитой не поднимались на плато через узкие Южные ворота. Ведь на городище куда удобнее было попасть через широкие Восточные ворота, к которым от Бахчисарай вела проселочная дорога, причем без резких подъемов и спусков. Следовательно, гимназисты и организаторы их экскурсии поднимались не по общеизвестной и популярной у тогдашних путешественников, а по заброшенному, непопулярному и редко используемому пути.

⁵⁵ Речь идет о «Доме караимских обществ», построенном в 1897 г. (Могаричев 2010: 260).

Далее, сторож обратил внимание гимназистов на остатки пещерной церкви⁵⁶. Но этот памятник, будь он известен августейшим путешественникам, стал бы одним из популярнейших культовых объектов не только Крыма, но и всей России. Ведь сам факт обнаружения на территории Чуфут-Кале христианского храма⁵⁷ кардинально изменил бы отношение к средневековым древностям этого городища⁵⁸. Но этого не произошло. Мало того, сам район размещения предполагаемого храма, как мы уже знаем, был заброшен. Полагаем, что выявленное обстоятельство крайне важно для понимания текста.

Рис. 7. Предполагаемая церковь, описанная А. Н. Поповым.

Fig. 7. The cave was described as a church by A. N. Popov.

внимательный посетитель Чуфут-Кале знает, что единственная развилка у Южных ворот города находится чуть выше и правее их. Следовательно, внимание привлекла пещера, расположенная левее входа, т.е. «на право по входе в ворота», близ перекрестка (рис. 7). В ней нет усыпальниц и она невелика (рис. 8). В этой пещере, судя по вышеприведенному тексту, есть вырубка, похожая на апсиду. Единственная крипта, соответствующая этому описанию, находится чуть ниже развилки.

Однако А. Н. Попов не обратил на это внимание. Собственно, он привел только одно собственное соображение, свидетельствующее о предпринятой им попытке атрибутировать пещерный комплекс. Он писал: «возле церкви усыпальница, из больших пещер некоторые окружены выдолбленными возвышенностями, может быть тоже усыпальницы. В церкви алтарная часть полукруглая, в тех местах обратил внимание гул пустоты» (Вторая учебная экскурсия 1888: 71). Но, в любом случае, А. Н. Попов не только описал заинтересовавшую экскурсантов пещеру, но и привел необходимые указания, позволявшие без труда ее обнаружить. Действительно, всякий

⁵⁶ К сожалению, не известно, кто предложил эту атрибуцию пещеры. Полагаем, что ее мог разработать сам сторож, обратив внимание на аналогии в устройстве почитаемых православных святынь Горного Крыма и чуфут-калинской крипты.

⁵⁷ Есть все основания полагать, что на плато находился наземный храм. Судим по фактам обнаружения на территории Чуфут-Кале архитектурных артефактов, уверенно атрибутируемых как фрагменты убранства раннесредневековой базилики (Герцен, Могаричев 1993: 24; Лазаренко 1992: 193—209).

⁵⁸ Собственно, это могло поставить под удар популярную со времен А. С. Фирковича теорию о заселении Крыма предками современных ему караимов уже в перв. тыс. н.э. (1872 פְּרַקְרַבְּרַיְהָ). Ведь существование христианского культового комплекса на территории поселения не оставляет от нее ни камня на камне. К слову, А. С. Фиркович основывался исключительно на публикации модифицированных им эпиграфов надгробий позднесредневекового некрополя Чуфут-Кале (Гаркави 1877: 98—121; Куник 1876; Шапира 2003: 533—555; פְּרַקְרַבְּרַיְהָ 1872). К сожалению, исследователи того времени не знали о существовании раннесредневековых христианских некрополей. Очевидно, что караимы не могли быть коренными жителями Чуфут-Кале. Обоснуйте этот тезис по мере изложения материала.

Необходимо отметить, что поставленной перед собой цели — ввести в научный оборот сведения об еще одной пещерной церкви — А. Н. Попов так и не добился. Открытие экскурсантов было практически сразу поставлено под сомнение. Члены ТУАК, обследовав пещеру по запросу Таврического и Одесского караимского гахама С. М. Пампулова (1831—1911), пришли к выводу, что она являлась жилым помещением (Протоколы заседания 1889: 121). Позже А. Л. Бертье-Делагард обосновал эту точку зрения на предназначение пещерного комплекса у Южных ворот Чуфут-Кале в «Исследовании недоуменных вопросов средневековья в Тавриде» (Бертье-Делагард 1920: 110—112; Бертье-Делагард 2011: 107—109).

Однако поиски христианского культового комплекса на территории Чуфут-Кале продолжались. Так, свои предположения по вопросу о его локализации высказали У. А. Боданинский, Б. И. Засыпкин и О. А. Акчокраклы (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы 1929: 170—187), В. П. Бабенчиков (Бабенчиков 1952) и А. Л. Якобсон (Якобсон 1964: 17). Они единогласно отвергли возможность обнаружения в этом районе Чуфут-Кале пещерной церкви. В свою очередь, А. Л. Якобсон предположил, что на плато мог находиться наземный храм (Якобсон 1964: 17).

Пытаясь разрешить эту проблему, М. Я. Чореф в 1971—1976 гг. провел в раскопки в районе пещерного комплекса у Южных ворот. К сожалению, исследователь не смог

разобраться в тексте А. Н. Попова. Вследствие этого он обследовал пещеры, расположенные не левее, а правее ворот (рис. 9). Причем одну из них атрибутировал как пещерную церковь (Чореф 1972; Чореф 1973; Чореф 1974а; Чореф 1974б: 359; Чореф 1976; Чореф 1977). Действительно, хотя в ходе археологических работ были выявлены следы позднейших переделок, наличие отдельных архитектурных элементов, свойственных пещерным церквям Юго-Западного Крыма, позволило ученому сделать вывод о культовом назначении этого помещения. Само же ее наличие позволило позднее М. Я. Чорефу выдвинуть предположение о

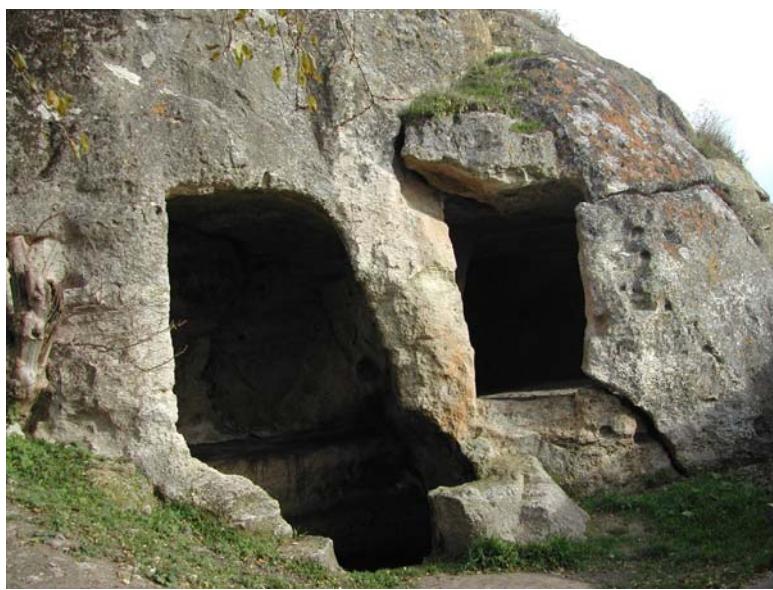

Рис. 8. Предполагаемая церковь, обнаруженная М. Я. Чорефом.

Fig. 8. The cave was described as a church by M. Ya. Choref.

существовании в районе Южных ворот Чуфут-Кале раннесредневекового православного монастыря (Чореф 1974б: 359).

С этим мнением согласны А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев (Герцен, Могаричев 1993: 43—45; Могаричев 1997: 88—89; Могаричев 2010: 257). Правда, ученые акцентировали внимание на поиске наземного храма, обнаружить местоположение которого до сих пор не удалось⁵⁹.

⁵⁹ Заметим, что он мог находиться не рядом с Южными воротами, а в центре Старого города, вернее всего, на месте или вблизи мечети XIV в. К слову, О. Акчокраклы считал, что это здание было неоднократно перестроено (Акчокраклы 1928: 168). Полагаем, что мнению этого авторитетного ученого, причем просвещенного

Подчеркнем и то, что А. Н. Поповым была описана и усыпальница, находившаяся, по его словам, близ описанной им «церкви». На данный момент мы не можем локализовать это помещение. Так как А. Н. Попов сомневался в предназначении многочисленных «выдолбленных возвышеностей», то его «усыпальница» не являлась вырубкой в стене или в полу. Вернее всего, автор привел свидетельство экскурсовода, знавшего о нахождении следов погребения или же обнаружения костей неясного происхождения⁶⁰ в какой-то из расположенных вблизи пещер.

Рис. 9. «Алтарная часть» в предполагаемой пещерной церкви, обнаруженной А. Н. Поповым.

Fig. 9. “The chancel” in the cave church discovered A. N. Popov.

всех пещерах нижнего яруса. Главной нашей задачей является поиск культовых сооружений в районе возможного монастыря, располагавшегося в районе Южных ворот Чуфут-Кале. Для этого необходимо выделить все пещеры, которые могли быть использованы для этих целей.

К сожалению, по независящим от М. Я. Чорефа причинам, его материалы в полном объеме вплоть до сегодняшнего дня не изданы. Мало того, археологическое изучение пещерного комплекса у Южных ворот после него более не возобновлялось (Герцен, Могаричев 1993). Учитывая это обстоятельство, мы выносим на научное обсуждение результаты нашего исследования. Надеемся, что их обсуждение подвигнет археологов возобновить раскопки этого интереснейшего объекта.

Однако выявить их по описанию не удается. Действительно, на территории этого комплекса есть несколько помещений, вероятно, использовавшихся для захоронений. Возможно, описанная А. Н. Поповым «усыпальница» находилась близ выявленной им пещерной церкви (Чореф 1974b: 359). Однако мы не настаиваем на безапелляционном принятии такого предположения.

Необходимо заметить, что разрешение этой задачи на данный момент не кажется нам актуальным, так как многочисленные вырубки, часть которых, вероятно, использовалась ранее для захоронения, встречаются, как уже было сказано выше, в этом районе практически повсеместно — почти во

мусульманина, вполне можно доверять. Отсутствие же артефактов — остатков храма на месте мечети может быть объяснено, во-первых, отмеченным фактом многократных переделок (Акчокраклы 1928: 168), и, во-вторых, тем, что центр поселения расчищали от мусора и строительных остатков куда основательнее, чем окраины, на территории которых раннесредневековый слой выражен также весьма неотчетливо. Отложения могли накапливаться только в скальных выемках, в т.ч. в пещерах.

⁶⁰ Считаем это обстоятельство более чем вероятным. Обнаружение раннесредневекового христианского погребения на территории, активно используемой и переустраиваемой до кон. XVIII в., с нашей точки зрения, не представляется возможным.

ГЛАВА 2. Описание пещерного комплекса

Прежде чем приступить к изложению материала, укажем, что в процессе описания мы будем производить обход помещений снизу вверх и по часовой стрелке, причем постараемся рассмотреть комплекс так же, как это делал средневековый христианин — паломник, поднимающийся на плато Чуфут-Кале.

2.1. Пещеры первого яруса

Каждый посетитель Чуфут-Кале, поднимаясь к Южным воротам, невольно обращает внимание на небольшую группу пещер, расположенных у подъема на узком навесе, немного правее дороги. Даже с большого расстояния в двух из них видны следы работы человека — скругленные в верхней части ниши в северных стенах (рис. 10). Однако в экскурсионную программу посещение этих пещер не входит, и турист вскоре забывает об увиденном. К сожалению, не только гости Крыма, но и исследователи обошли эти пещеры своим вниманием. Только в 1976 г. М. Я Чореф счел возможным провести небольшие раскопки в этом районе (Чореф 1977). Однако из-за дефицита времени, сил и средств ему толком не удалось обследовать объект, а результаты исследований не были своевременно изданы.

Хотя обильный и разновременный материал, найденный в ходе раскопок (Чореф 1977), мог значительно прояснить историю поселения на плато Чуфут-Кале. К настоящему времени текст отчета нами проанализирован, а расчищенные в ходе работ пещеры изучены.

Начнем с того, что объект был выбран отнюдь не случайно. Ведь даже в ходе беглого осмотра района раскопок 1976 г. становится очевидным, что расчищенные рукотворные пещерные сооружения были связаны с комплексом, расположенным на южном склоне плато (Веймарн, Чореф, Чореф 2007: 49—56). Заметно, что от неширокой скальной террасы, на которой они размещены, вверх ведет крутая лестница, прорубленная, судя по стерности ступеней и по ее местоположению, задолго до возведения позднесредневековой крепостной стены⁶¹ и ворот Кичик-Капу (рис. 5). Ведь трудно даже предполагать, что жители Чуфут-

Рис. 10. Группа пещер у Южных ворот Чуфут-Кале.

Fig. 10. The cave complex near South gate of Chufut Kale.

⁶¹ О датировке стены см. (Белый, Карлов 2003: 71—77; Герцен, Могаричев 1992: 182—192; Герцен, Могаричев 1993: 29, 31, 43; Могаричев 2010: 252—253). Учитывая архитектурные особенности: технику кладки,

Кале захотели бы приготовить столь удобный и хорошо заметный подъем для непрошенных гостей⁶².

Пещера № 1 — предполагаемая келья

Развивая этот тезис, попытаемся определить первоначальное назначение этих пещер. Для этого приведем результаты их осмотра. Начнем их описание с крайней правой (рис. 11). Она представляет собой неглубокую вырубку полукруглой формы, с высотой 1,85 м у входа, глубиной до 0,9 м и шириной 2,70 м. В ее северной стене вырублены две полукруглые ниши, представляющие собой неглубокие высокие конические углубления. Наибольшая из них размещена по центру пещеры. Ее высота 0,95 м, ширина 0,9 м и глубина 0,44 м. Правая ниша меньше по объему: соответственно $0,77 \times 0,55 \times 0,2$ м. В восточной стене помещения хорошо просматривается крестовидное углубление $0,65 \times 0,65 \times 0,04$ м, судя по форме, пригодное для крепления большого распятия. В районе входного проема просматриваются многочисленные круглые и овальные подрубки под доски или бревна. Судя по хорошо сохранившимся вырубкам, вход в пещеру был прикрыт широкой двухстворчатой дверью, которая, с учетом наличия углубления для крепления запора, закрывалась снаружи.

Определим назначение этого помещения. Отметим, что как само положение пещеры — на южном склоне, у подъема, так и отсутствие в нем окон, говорит о том, что она освещалась солнечным светом, причем только при открытых дверях. Да и ниши, прорубленные в ее северной стене непригодны для установки светильников. Ведь они слишком велики и неглубоки. Но зато в них можно было закрепить иконы, хорошо видные поднимающимся при открытых дверях (рис. 11). Всякие сомнения снимает выявленная подрубка для установки креста, различимая в восточной стене пещеры. Под ним заметны следы стесанного престола. Каких-либо иных следов позднейшей переделки в ней выявлено не было⁶³. Считаем, что наличие следов культовых символов, а также само ее расположение, убедительно свидетельствуют о том, что эта пещера изначально являлась кельей.

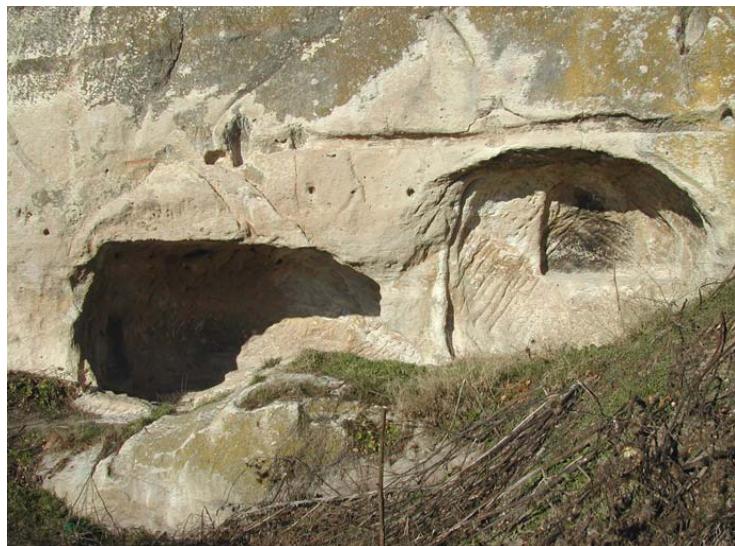

Рис. 11. Предполагаемая часовня № 1.

Fig. 11. The hypothetical chapel No 1.

соотношение высоты и толщины стены, а также наличие бойниц, ученые полагают, то этот ее могли возвести в XVI—XVII вв., т.е. когда жители полуострова освоили огнестрельное оружие (Герцен, Могаричев 1993: 71—72, 81; Герцен, Могаричев 2001: 279—319).

⁶² К слову, охрана памятника использует ее и сейчас.

⁶³ Вернее всего, эта пещера заплыла землей, веками стекавшей с поверхности плато. Открыта она была только в ходе раскопок, проведенных М. Я. Чорефом в 1976 г. (Чореф 1977).

Заметим, что подобного рода раннесредневековые сооружения хорошо известны в Грузии⁶⁴. Они называются открытыми и предназначаются для обращения к пастве с проповедью после совершения непродолжительной службы (Беридзе 1974). Однако перед изучаемой пещерой нет подходящей площадки. Напомним, что она находится над подъемом в город. Причем довольно крутом. Кроме того, пещера слишком неглубока, чтобы в ней можно было установить амвон. Следовательно, часовней она быть не могла.

Пещера № 2 — хозяйственное помещение

Следующая пещера не столь интересна. Да, у ее входа на стенах заметны следы креплений. Как и предполагаемую келью, ее закрывали снаружи. Она также вряд ли использовалась для публичных мероприятий.

Попытаемся определить ее первоначальное назначение. Для этого попробуем выявить следы первоначального интерьера. Так, в ее полу сохранилось глубокое и широкое углубление. Допускаем, что оно служило зерновой ямой. И это вполне правдоподобно, т.к. наличие этого сооружения у кельи, на территории монастырского комплекса — вполне допустимо. В любом случае наличие общего ливнестока этих помещений (рис. 11) говорит о том, что пещеры использовали одновременно, причем они составляли один комплекс.

Пещера № 3 — предполагаемое служебное помещение

Трудно сказать что-либо определенное о пещере, расположенной немного западнее вышеописанных. К сожалению, элементы ее первоначального интерьера не сохранились. Вероятно, она изначально использовалась для служебных целей, связанных с обеспечением потребностей монастырского комплекса.

Пещера № 4 — предполагаемая агиасма

Значительно интереснее пещера, расположенная немного западнее ранее описанных. Ее размеры $3,10 \times 3,0$ м, высота до 2,0 м. В ее северо-восточном углу просматриваются следы источника — намыв высотой 1,48 м и с наибольшей шириной 1,0 м. Под ним видны следы стесанного корыта для сбора воды (рис. 12).

Над источником на северной стене видны два каменных кольца, по-видимому, для подвешивания светильников⁶⁵, между которыми заметен греческий крест ($0,38 \times 0,39$ м) (рис. 13).

На западной стене просматривается еще один культовый символ этого же типа ($0,10 \times 0,15$ м), вписанный в ромб (рис. 14). Севернее его, близ северо-западного угла, под потолком вытесана ниша ($0,53 \times 0,20$ м). Немного западнее нее просматривается граффити — изображение Храма (рис. 15). Судя по намыву, следам корыта и наличию в помещении многочисленных знаков, в пещере изначально был родник. Полагаем, что он почитался святым для православных христиан.

Допускаем, что все изученные нами помещения могли составлять один комплекс. По-видимому, служебные помещения были созданы монахами, жившими в разное время в описанной нами келье.

⁶⁴ Полагаем, что у нас есть основания учитывать эту аналогию. Учтем, что Иоанн Готский был рукоположен в Питиунте (совр. Пицунда) (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 12, 15, 19).

⁶⁵ Для прочих целей, в т.ч. привязывания животных, он размещен слишком высоко.

Трудно судить о дате их появления. При их раскопках был найден только позднесредневековый материал⁶⁶. Однако, судя по технике рубки, эти пещеры можно отнести к типу Т.—1 по классификации Ю. М. Могаричева. Заметим, что исследователь относит их к периоду А и датирует их VI—VII вв. (Могаричев 1992: 46—48, 55—57, 58, 60, 64, 67—68, рис. 6: 1). Действительно, их стены, как и своды раннесредневековых склепов, были сформованы с помощью частых косых ударов кирки, наносимых под углом 35—50°. Расстояние между ними — 8—9 см. Эти пещеры характеризуются наличием скругленных углов и имитации коробового свода (Могаричев 1992: 47). Основываясь на этом обстоятельстве, вслед за Ю. М. Могаричевым заключаем, что изученные пещеры можно датировать VI—VII вв.

Пещера № 5 — предполагаемая часовня с костницей

Самая западная из пещер этого комплекса состоит из двух помещений (рис. 10). Начнем описание с правого, вытянутого по оси запад-восток. Его длина 7,30 м, ширина до 2,0 м, наибольшая высота у восточной стены ок. 2,0 м, в центральной части — 1,85 м. Теперь в помещение можно попасть сквозь пролом в полуокруглой восточной стене, образовавшийся в результате вывала. Однако ранее в него можно было подняться снизу по скальной лестнице. К настоящему времени сохранились только две верхние ступени и порог (ширина 0,70 м) (рис. 16).

Стены и пол пещеры сохранили следы многочисленных переделок. Однако наличие ярко выраженного скругления восточной стены — вероятно, аркады, над которым прослеживается поднятие уровня свода — возможно, конхи, а также полуокруглых ниш ($0,56 \times 0,98 \times 0,35$ м и $0,54 \times 0,30 \times 0,19$ м) в ее северной стене, как мы считаем, пригодных для хранения святых даров⁶⁷, позволяет предполагать, что она первоначально являлась культовым сооружением. В то же время отсутствие углубления для монтирования престола, наличие следов древнего входа в восточной части помещения, близ предполагаемой аркады, как видно, не огражденной алтарной преградой, говорит о том, что церковью она не была. Предполагаем, что исследованное нами первое помещение пещеры являлось часовней.

Второе ($4,90 \times 3,05$ м), ориентированное по оси север-юг, так же было неоднократно переделано. Судя по хорошо сохранившимся выемкам в ее полу, в ней хоронили людей. Действительно, как само ее расположение, так и просматриваемые следы общего входа с предполагаемой часовней, дает нам право считать, что в ней ранее находились костница.

Вероятно, в результате древнего обвала разрушилась лестница, ведущая в эту пещеру, а восточная стена последней обвалилась. Местные жители, вернее всего, уже не христиане, ввели ее в хозяйственный оборот. Полагаем, в пещере был устроен хлев. Однако отдельные архитектурные элементы, позволяющие выяснить ее первоначальное назначение, все же сохранились.

Датировать эти помещения довольно трудно. Ведь их стены несут следы разновременных подрубок. Однако они составляют один комплекс с кельей. Эти помещения находятся на одном ярусе, на небольшом расстоянии друг от друга. Допускаем, что все они также были созданы в VI—VII вв.

⁶⁶ См. ниже.

⁶⁷ Наличие подобных ниш, правда, с надписями и прорубленных в южной стене, дало возможность Ю. М. Могаричеву выделить на Тепе-Кермене еще одну пещерную церковь (Могаричев 1997: 87, рис. 344—345).

Рис. 12. Предполагаемая агиасма. Следы источника.

Fig. 12. The hypothetical cave with Holy Water. The vestige of water stream.

Рис. 13. Предполагаемая агиасма.
Крест на северной стене.

Рис. 14. Предполагаемая агиасма.
Крест на западной стене.

Fig. 13. The hypothetical cave with Holy Water.
The cross on north wall.

Fig. 14. The hypothetical cave with Holy Water.
The cross on west wall.

Рис. 15. Предполагаемая агиасма.
Граффити на западной стене.

Fig. 15. The hypothetical cave with Holy Water.
The graffiti on west wall.

Рис. 16. Предполагаемая часовня. Следы ступеней и апсиды.

Fig. 16. The hypothetical chapel. The remains of stages and apse.

Таким образом, обследовав небольшой пещерный комплекс, находящийся восточнее Южных ворот в Чуфут-Кале, мы выявили часовню, келью, агиасму и костницу.

В свою очередь, обнаружение этих культовых объектов дает право попытаться найти аналогии в размещении культовых, жилых и хозяйственных помещений ряда многоярусных пещерных монастырей Балкан (Атанасов 1984: 91—98; Атанасов 1989: 50—56; Атанасов 1990; Атанасов, Чешмеджиев 1990: 110—140), Малой Азии (Rodley 1985), Крыма и Кавказа (Мелитаури 1975). К примеру, как на Бакле (Волошинов, Клепинин 1913; Могаричев 1997: 92—94; Могаричев 2010: 264—273), в Инкермане (Могаричев 1997: 6—30; Могаричев 2010: 62—91), Качи-Кальоне (Веймарн, Чореф 1976; Могаричев 1997: 80—82; Могаричев 2010: 196—207), Тепе-Кермене (Виноградов, Гайдуков 2004: 13—44; Могаричев 1997: 83—87; Могаричев 2010: 208—219), Чилтер-Мармаре (Веймарн, Чореф 1978: 139—151; Могаричев 1997: 31—34; Могаричев 2010: 106—117), так и на Мангупе (Герцен, Могаричев 1996; Могаричев 1997: 54—76; Могаричев 2010: 156—185), в Эски-Кермене (Могаричев 1997: 39—53; Могаричев 2010: 126—155) и у Южных ворот Чуфут-Кале эти объекты размещены в три—четыре яруса. На нижнем этаже были устроены служебные помещения, кельи братии размещались выше по склону, а культовые сооружения всегда располагали на господствующих высотах или высекали в отдельно стоящих останцах, причем церкви всегда

находились над часовнями. Правда, иногда их высекали и на одном уровне. Итак, двигаясь по дороге, придерживаясь по мере возможности древней скальной лестницы, мы выявили ранее неизвестные культовые сооружения⁶⁸.

Вероятно, налицо четко прослеживаемая тенденция. Как видим, для удобства исследования скальных монастырей целесообразно первым делом выявлять следы древних дорог, соединявших культовые объекты. Ведь эти пути были необходимы для крестного хода.

Вообще, если такое представление верно, то появляются реальные основания для уточнения местоположения раннесредневековых оборонительных сооружений, выстроенных для защиты расщелины у Южных ворот Чуфут-Кале. Ведь до сих пор существует мнение, что некоторые из многочисленных лестниц, соединявших помещения Южного пещерного комплекса, ранее являлись постелями оборонительной стены⁶⁹. Мы же, в свою очередь, не можем с ней согласиться. Дело в том, что такая стена не видится нам эффективной. Так, она не могла защитить расщелину на месте современного входа и не была связана с башней, возведенной над осадным колодцем Тик-Кую. Точнее, рассматриваемое ее размещение способствовало бы возникновению мертвотой зоны обстрела непосредственно в районе современных пещер первого яруса у Южных ворот. Конечно, можно допустить, что их прорубили позже разрушения этой стены. Но, в любом случае, мертвотая зона была бы недопустима. Кроме того, судя по подрубкам скального массива, она могла быть возведена только в один камень. Примеров такой неосмотрительности история не сохранила. А для раннего средневековья это был бы нонсенс. Мало того, предполагаемая «постель стены» ведет к выявленному нами пещерному храму, причем на последнем этапе она проходит в расщелине, а крутизна и ярко выраженная ступенчатость не дает нам возможности судить о ее предназначении (рис. 17). Полагаем, что эти подрубки являлись ступенями древних лестниц, позволяющих обходить культовые сооружения комплекса во время Крестного хода. А искомые оборонительные сооружения проходили значительно ниже, под пещерами первого яруса. В таком случае они должны были прикрывать выявленные нами культовые объекты⁷⁰.

Рис. 17. Пещерный комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале. Лестницы.

Fig. 17. The cave complex near South gate of Chufut Kale. The stairs.

⁶⁸ Отметим, что это явление было уже замечено В. Н. Даниленко (Даниленко 1994: 127—145).

⁶⁹ Так предположил М. Я. Чореф (Герцен, Могаричев 1993: 43).

⁷⁰ Этот вопрос был уже подробно разобран (Чореф 2008с: 145—153).

2.2. Пещеры второго яруса

Вернемся к вопросу о возможности обнаружения «пещерной» церкви, описанной А. Н. Поповым. Попытаемся ее найти, двигаясь в направлении, описанном этим исследователем. Обратим внимание на пещеры, расположенные на втором ярусе, за стеной. Для этого поднимемся в городище и пройдем развалку выше Южных ворот.

Пещера № 6 — предполагаемая церковь, описанная А. Н. Поповым

Пещера находится на втором ярусе Южного пещерного комплекса⁷¹ (рис. 7). Пройти к ней удобнее всего, поднявшись на небольшую, тщательно подрубленную скальную платформу (рис. 7), находящуюся чуть выше дороги. Вход в пещеру был устроен с южной и с западной сторон⁷². Судя по подрубкам, в проходах были установлены дверные коробки. Переступив через любой из порогов, мы попадаем в пещеру. Заметно, что ее поверхность тщательно обтесана. Так как известняк, в котором была прорублена пещера, достаточно плотный, то хорошо заметны следы ударов. Пещера представляет собой небольшое прямоугольное помещение, длиной 6,30 м, шириной от 3,30 до 4,20 м, высотой 2,55 м, вытянутое по оси запад-восток. Вдоль ее северо-западной стены хорошо просматривается невысокая скамья, длиной 2,90 м, с наибольшей шириной 0,30 м. На ней видны неглубокие (до 0,05 м) подрубки. Практически в центре ее была вытесана выемка ($0,37 \times 0,29$ м), левее и правее ее сохранились небольшие ($0,05 \times 0,05$ м) углубления. В восточной части пещеры хорошо различима почти квадратная (высота 2,20 м, ширина 1,73 м, глубина 0,85 м), со скругленными углами вырубка. Вероятно, что она и была атрибутирована А. Н. Поповым как «полукруглая» алтарная часть (рис. 10). Заметно, что ее и слева, и справа окружает неглубокая широкая (ок. 0,10 м) подрубка, вероятно, предназначавшаяся для крепления балок. В этой вырубке хорошо заметны два естественных сквозных отверстия. Под ней видна широкая каменная скамья, длиной 2,20 м, шириной 0,85 м и высотой 0,55 м, в правой ее части сохранилось каменное кольцо. В южной стене пещеры были пробиты два высоких и широких проема, подходящие по размерам для крепления дверных коробок (высота первого 1,90 м, ширина 1,63 м, высота и ширина второго 1,95 м). Действительно, их размеры чрезвычайно велики для столы небольшого помещения. Возможно, строители учитывали степень выветривания скальной породы. Они были вынуждены подтесывать рыхлый известняк для того, чтобы найти прочный, пригодный для установки дверной коробки. В скальной основе западного прохода хорошо заметны искусственные углубления, пригодные для крепления бревен. Предположительно у рассматриваемого помещения была пристройка — небольшой навес, явившийся продолжением вышеупомянутой скальной платформы. Близ него заметны подрубки в скальном полу. Вероятно, только в результате расчистки можно будет установить их размеры и назначение. Рядом с ними находится глыба дикого камня, скорее всего, перенесенная недавно.

Перейдем к описанию потолка и пола пещеры. Свод помещения плоский, хорошо подтесанный. Каких-либо вырубок на нем нет. Пол сохранился превосходно. Видно, что он был аккуратно подтесан. В восточной части помещения, по периметру комнаты, просматривается подрубка, аналогичная замеченной левее и правее предполагаемой апсиды.

⁷¹ Эта пещера была обнаружена и указана нам Н. В. Днепровским.

⁷² В настоящее время трудно установить предназначение небольшого помещения, находящегося западнее этой пещеры. Так как археологическое обследование этих помещений не проводилось, то мы считаем возможным привести только предварительное ее описание.

Она ограничивается линиями, которые можно провести, соединив две группы из шести углублений⁷³, прорубленных в полу. Вероятно, эти выемки предназначались для крепления деревянных деталей невысокого заграждения. В центральной части пространства, ограниченного этими линиями, заметны следы позднейшей доделки пола. Так, судя по неровностям, строителями был срублен какой-то скальный выступ.

К этому помещению с запада примыкает пещера (длина 3,20 м, ширина 4,50 м, высота 2,0 м). Пол ее в настоящее время завален бутовым камнем. В ее западной стене видна хорошо сохранившаяся прямоугольная вырубка, похоже, использовавшаяся для установки небольшого шкафа ($0,95 \times 0,40$ м, глубиной 0,20 м). У входа в помещение заметно широкое углубление (до 0,3 м), вероятно, предназначавшееся для устройства небольшой печи. Отверстие для ее дымовой трубы прорублено близ свода пещеры в тщательно обработанной нише ($0,95 \times 0,40$ м, глубина до 0,2 м). У входа в пещеру заметны подрубки, возможно, с целью крепления дверной коробки (2,0 на 1,95 м).

Как видим, описанное А. Н. Поповым помещение, действительно, похоже на пещерную церковь. По крайней мере, в ее восточной стене есть углубление, сходное с апсидой, под ним сохранилась каменная скамья, в которой можно видеть синтрон, в полу просматриваются вырубки, пригодные для крепления деталей некоего деревянного сооружения, судя по его расположению, игравшего роль разделителя. Однако в помещении нет явно выраженного престола. Есть только следы срубки какого-то скального выступа близ предполагаемой апсиды. В пещере нет и углублений, которые можно было бы считать протезисами.

Попытаемся разрешить это противоречие. Известно, что в пещерах у Южных ворот в позднем средневековье жили люди, которые должны были переделывать интерьер помещения для удобства проживания. Обитатели пещер наверняка срубали нефункциональные для них скальные элементы обстановки. Вполне возможно, что они были вынуждены стесать каменную платформу престола. Отметим, что пока мы можем найти подтверждение этому предположению. При внимательном осмотре описываемого помещения заметны следы почти квадратной в сечении невысокой платформы в центре предполагаемой алтарной преграды. Действительно, вследствие тщательности подрубки, следы этой архитектурной детали заметны на не столь досконально подтесанном полу. Однако, как уже было отмечено, в пещере нет углублений, которые можно было трактовать как протезис. И, если все же она была церковью, то этот факт обязательно должен быть учтен при ее датировке.

Как видим, достаточно веские доводы позволяют предполагать, что обнаруженное и описанное А. Н. Поповым помещение первоначально являлось пещерной церковью. Однако не стоит настаивать на этой атрибуции. Точнее, нами установлено, что пещера, описанная А. Н. Поповым, церковью не являлась. Предполагаем, что скальная перемычка, разделявшая два небольших смежных помещения, развалилась в результате землетрясения, а жители позднесредневекового города подтесали ее остатки. Однако сохранившаяся разница в уровнях пола в разных частях образовавшейся пещеры все же сохранилась. Считаем, что «полукруглая выемка» в ее восточной стене представляет собой подрубку для монтирования встроенного шкафа. Вернее всего, в этой пещере изначально была устроена мастерская. Этим обстоятельством и следует объяснять наличие у ее входа широкой скальной платформы. Вернее всего, на нее выгружали сырье и готовые товары. В тоже время отсутствие в пещере

⁷³ В настоящее время просматриваются только их контуры. Как уже отмечалось, до проведения археологических раскопок о культовом назначении пещеры можно говорить только предположительно.

каких либо следов ванн или следов монтирования столов не дает нам оснований предполагать, что в ней работали кожевники, кузнецы или плотники. Вероятнее всего, в ней размещалась мастерская сапожника, рабочее место которого не требовало наличия столь заметных приспособлений. В таком случае, в шкафах, один из которых был принят А.Н. Поповым за апсиду, могли хранить инструменты и ценное сырье, а для обогрева работников были размещены очаги, следы которых хорошо сохранились.

Пещера № 7 — предполагаемая пещерная церковь, обнаруженная М. Я. Чорефом

Пещера была вырублена в стогообразном выступе скалы, в который упирается южный участок оборонительной стены города (рис. 8). Полагаем, что сама его форма подсказала строителям идею вырубить в нем христианский храм. Отметим, что аналогичные сооружения часто встречаются в Горном Крыму. Так, в скальных выступах устроены Храм «Трех всадников» на Эски-Кермене (Домбровский 1966: 34; Могаричев 1997: 49—51; Могаричев 2010: 143—147), церкви Баклы (Волошинов, Клепинин 1913: 157—159; Могаричев 1997: 92—94; Могаричев 2010: 264—273) и Качи-Кальена (Веймарн, Чореф 1997: 52; Могаричев 1997: 80—82; Могаричев 2010: 196—207).

Рис. 18. Предполагаемая церковь, найденная М. Я. Чорефом. Интерьер.

Fig. 18. The cave was described as a church by M. Ya. Choref. The interior.

О первоначальном культовом назначении этого помещения говорит и наличие небольшой прямоугольной вырубки на ее вершине (рис. 8). В подобных выемках крепились деревянные или железные кресты. Вход в помещение был устроен на юго-западной стороне выступа. Его ширина 0,65 м, а высота 1,80 м. Судя по заметным подрубкам, в нем была установлена дверная коробка. Четыре невысокие и узкие, сильно стертые полукруглые ступени ведут в помещение (рис. 18). В западной ее стене, близ входа, имеется арковидный дверной проем, ведущий в соседнюю пещеру. В настоящее время трудно установить назначение этого помещения. Однако видно, что в полу ее были вырублены две ямы, вероятно, использовавшиеся для захоронения костей. Стены этой пещеры тщательно подтесаны. Рубка стен и свода — Т.—1 по Ю. М. Могаричеву.

Вернемся в предполагаемую пещерную церковь. Помещение вытянуто по оси запад — восток (длина 7,90 м, наибольшая ширина 5,34 м). Высота свода пещеры до 1,92 м. Близ входа в нее имеется отверстие, диаметром по внешнему краю 0,35 м, глубиной до 0,12 м, пригодное для установки пифоса. Судя по многочисленным следам доработки потолка и стен, пещера была позже расширена к северу: хорошо видны следы грубой подтески. Однако

сохранился участок поверхности (западная часть), не подвергнувшийся переделке. Заметно, что первоначально стены помещения были тщательно обработаны (рубка Т.—1) и сглажены.

Чуть далее от входа имеется еще один дверной проем, ведущий в небольшое помещение (рис. 19). Высота его порога над изначальным уровнем пола составляет 0,35 м. Судя по следам пазов, дверной проем перекрывался деревянной крышкой. Далее к западу от него две ступени ведут в глубь помещения, пол которого занизжен на 0,07 м от основного уровня. Мы предполагаем, что в этом отсеке устроили костницу.

Рис. 19. Предполагаемая церковь, найденная М. Я. Чорефом. Баптистерий.

Fig. 19. The cave was described as a church by M. Ya. Choref. The Baptisterium.

изображение одноапсидной церкви с изображением хризмы или креста под крышей (рис. 20). Отметим, что близкие по очертанию знаки встречаются в раннесредневековых церквях Болгарии (Дончева-Петкова 1980: 148, табл. IX: 42; Медынцева, Попконстантинов 1985: 104, табл. XXIII: 1; Станчев 1952: 324, рис. 316; Попконстантинов 1980: 44) и Киева (Килиевич 1982: 41).

На южной стене пещеры были первоначально прорублены на высоте 2,1—2,15 м четыре небольших арковидных окна. Позже, во время доделки помещения, устроили еще два прямоугольных оконных отверстия, размерами 0,65 на 0,6 м. В процессе их прорубания оказалась частично

К сожалению, восточная стена этой комнатки позже была стесана. Следы столь же грубой подтески заметны и на остальной части западной стены. Но в любом случае отдельные сохранившиеся архитектурные элементы все же сохранились. Так, над входом в него просматривается круглое углубление, диаметром 0,2—0,21 м и глубиной 1—1,5 см. Вероятно, оно предназначалось для крепления небольшой иконы (рис. 19), наличие которой подтверждает наше предположение о первоначальном использовании этого небольшого помещения.

Не менее интересна и восточная стена пещеры, противоположная входу. Несмотря на сильное выветривание, на ней просматриваются следы хорошей, аккуратной подрубки и подтески.

Строго на
восток на

ней видно
хорошо
сохранив
шееся
граффити

Рис. 20. Предполагаемая церковь, найденная М. Я. Чорефом. Граффити на восточной стене.

Fig. 20. The cave was described as a church by M. Ya. Choref. The graffiti on east wall.

разрушенной каменна скамья, проходящая вдоль южной стены (рис. 21). Отметим, что такие скамьи являются обязательным элементом пещерных церквей Юго-Западного Крыма (Бертье-Делагард 1883: 218—225).

Несмотря на переделку, на южной стене сохранились следы круглого углубления, диаметром 0,25 на 0,27 м и глубиной 1,0—1,5 см. О культовой принадлежности помещения свидетельствуют и четыре крестообразных знака. Первый из них — греческий (0,28 на 0,27 м), высечен на высоте 1,70 м от пола. Его центральная часть сбита. На той же высоте находятся второй крест, по форме аналогичный описанному. Чуть далее к востоку на том же уровне находится еще один знак. Он был образован в результате наложения двух крестов, один из которых повернут на 45° относительно другого. Ближе всех к восточной стене, над вторым прямоугольным окном был прорезан крест с разветвленными концами. Такого рода знаки встречаются как в Крыму

(Веймарн, Чореф 1978: 147, рис. 7), так и в Болгарии (Аспарухов 1984: табл. XIII; Медынцева, Попконстантинов 1985: 105, табл. XXI: 10, 11, 13) и датируются ранним средневековьем.

Рис. 21. Предполагаемая церковь, найденная М. Я. Чорефом. Скамья у южной стены.

Fig. 21. The cave was described as a church by M. Ya. Choref. The bench near south wall.

Осмотрим свод пещеры. В восточной его части, близ граффити, заметны подрубки, возможно, ранее используемые для крепления перегородки. На расстоянии 1,20 м от восточной стены просматривается хорошо подтесанная ровная поверхность (ширина 0,50 м), немного углубленная в потолок. Вблизи от нее (0,80 м) видна неширокая (0,10 м) выемка, в которой были вытесаны углубления (0,10 м), пригодные для монтирования столбов. Мы предполагаем, что все эти архитектурные детали предназначались для установки высокой, до потолка, предалтарной преграды (рис. 22).

Рис. 22. Предполагаемая церковь, найденная М. Я. Чорефом. Следы крепления алтарной преграды на потолке.

Fig. 22. The cave was described as a church by M. Ya. Choref. The remains of mounting of iconostasis on ceiling.

Потолок пещеры также сохранил следы двух строительных периодов. Так, в юго-западной части пещеры он подрублен мелкими, частыми, стесывающими известняк ударами⁷⁴. Свод этой части пещеры темновато-серого цвета и покрыт кальцинированными отложениями. На первоначальной части потолка сохранилось каменное кольцо для подвешивания светильника. Северо-восточная и северная части пещеры были подрублены редкими, скальвающими ударами. Поверхность стен и свода на этих участках желтовато-серого цвета и не покрыта отложениями.

Обратим внимание на пол помещения. Почти на всей площади помещения он тщательно подтесан. Однако близ восточной стены заметны следы небрежной рубки камня. Видимо, в этой пещере, как и в описанной выше, в свое время был стесан престол, находившийся примерно в центре алтарной части.

О возможной культовой принадлежности описанного нами помещения говорит и исследованная во время раскопок 1971—1972 гг. костница, располагавшаяся чуть севернее входа в него. На дне усыпальницы был найден бронзовый колокольчик, аналогичный найденным в могильниках Юго-Западного Крыма и Кавказа и датированных VI—X вв.

Как видим, к настоящему времени в пещерном комплексе у Южных ворот Чуфут-Кале удалось выявить два помещения, которые в свое время были атрибутированы, как пещерные церкви. Конечно, на современном этапе исследования Южного пещерного комплекса мы можем только гадать о первоначальном их назначении и о дате возникновения. Нам известны находки раннесредневекового материала близ Южных ворот⁷⁵, однако слабая археологическая обследованность этого района не позволяет нам на данный момент делать выводы о наличии, величине и о длительности существования культового комплекса. Надеемся, что в ближайшее время возобновится планомерное изучение этого интереснейшего памятника.

Пещера № 8 — предполагаемая часовня на склоне, расположенная восточнее Южных ворот

Рис. 23. Кенассы Чуфут-Кале. Вид с юга.

Fig. 23. Karaite Kenesas in Chufut-Kale. Southern view.

Летом 2007 года нами была осмотрена и исследована одна интересная пещера, расположенная непосредственно под караимскими кенассами Чуфут-Кале (рис. 23). Она представляет собой небольшое помещение, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток. Его длина составляет 7,1 м, наибольшая ширина 3,6 м, а высота свода ок. 2 м. Вместе с несколькими пещерами это помещение образует сложный и разнородный пещерный комплекс.

Войти в нее можно сквозь проем, прорубленный в южной стене (рис. 24).

⁷⁴ Рубка Т.—3 по Ю. М. Могаричеву (Могаричев 1992: рис. 6: 3). Характерна для поздних пещер (Могаричев 1992: 110—111).

⁷⁵ См. ниже.

Он имеет правильную прямоугольную форму. Хорошо сохранились следы аккуратной, по-видимому, поздней подрубки для установки внутренней двери и внешнего затвора.

Отдельные участки поверхности: полукруглый юго-восточный свод, западная и южная стены пещеры, а также пол и потолок несут следы разнообразной обработки. Заметны следы грубой перекрестной подрубки и подтески. Остальная поверхность помещения не была отделана. Камень просто ломали. Видны только неглубокие выемки для монтирования вертикальных балок, отстоящих друг от друга на расстояние 50—60 см. Значительно больше

архитектурных деталей просматривается на обработанной поверхности. Так, в западной стене пещеры были прорублены два сквозных отверстия: верхнее щелевидное 0,44 на 0,14 см и нижнее треугольное 1,20 на 0,65 м. На нижней грани последнего из них просматриваются следы креплений железной решетки (рис. 25). У восточной стены (рис. 26) сохранилась небольшая полукруглая ступенька, в которой была вытесана глубокая прямоугольная вырубка 14 на 17 см. (рис. 27). Под возвышением видны многочисленные отверстия, пробитые в трещинах породы. Такие же углубления просматриваются и под каждой вертикальной выемкой на северном, южном и восточном участках. На потолке на расстоянии 1,4 м от восточной стены

Рис. 24. Вход в пещеру под кенассами.

Fig. 24. An entrance to cave under the kenesas.

различимы две дуговидных подрубки. Восточнее двери, у потолка было прорублено окно. Кроме них, на южной стене сохранилось каменное кольцо. Сильное выветривание породы привело к вывалу юго-восточного участка пещеры. Вероятно, это произошло очень давно, так как жители, использовавшие это помещение, были вынуждены достраивать эту стену: они подтесали ее остатки и прорубили в ней отверстия для установки кольев, к которым, вероятно, крепили доски.

Попытаемся проследить историю пещеры. Для этого проанализируем сохранившиеся целиком или частями архитектурные детали. В первую очередь необходимо выделить ступеньку с вырубкой у полукруглой юго-восточной стены, а также следы крепления на своде пещеры. Вероятно, они являются следами установки престола и алтарной преграды в апсиде. Все это, вместе с ориентацией позволяет говорить об использовании пещеры как

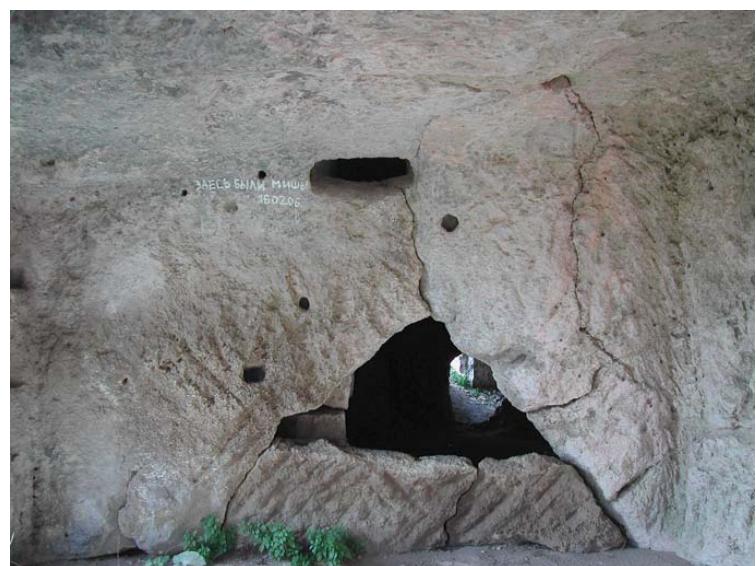

Рис. 25. Западная стена пещеры под кенассами.

Fig. 25. The west wall of cave under the kenesas.

небольшой церкви. Судя по рубке Т.—2 (Могаричев 1992: рис. 6: 2), она могла быть вытесана в X—XII вв. (Могаричев 1992: 95—97). Позднее пещера была оставлена и далее использовалась в хозяйственных нуждах населения. Скорее всего, именно в это время в ее южной части вытесали каменное кольцо. Одновременно в соседних скальных помещениях были устроены хлева.

О правдоподобности такой атрибуции говорит и наличие хорошо сохранившейся лестницы⁷⁶, ведущей к пещере от площадки на поверхности плато. Ведь ее не могли вытесать в то время, когда пещеры под современными кенассами стали использовать в качестве загонов для скота. По определенным причинам не было смысла ее делать и в период функционирования караимского культового комплекса.

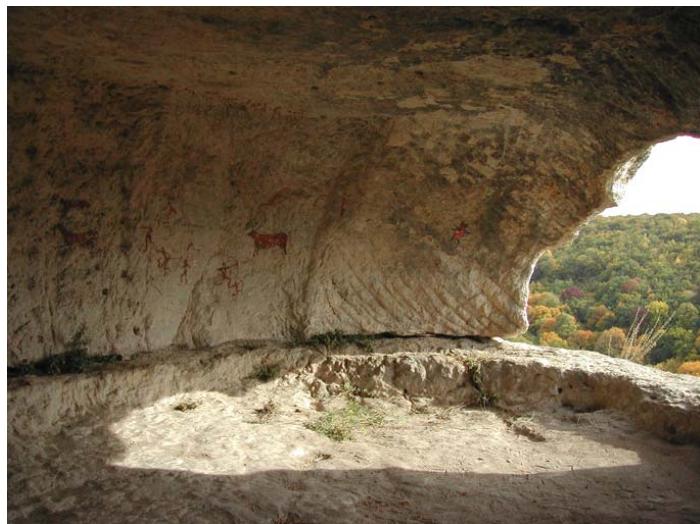

Рис. 26. Пещера под кенассами. Восточная стена.

Fig. 26. The cave under the kenesas. The east wall.

страницы. По периметру пещеры можно проследить следы подрубок для установки шкафов. В них могли хранить старинные, но уже вышедшие из употребления свитки и кодексы.

Отметим, что в записках путешественников встречаются упоминания о генизе Чуфут-Кале. Так, А. В. Терещенко был в «синагоге, находившейся как бы в подземелье», и видел в ней «Пятикнижие Моисеево, писанное на древнем еврейском языке, на пергаменте, как уверяют, за несколько веков до Рождества Христова» (Терещенко 1854: 70). Очевидно, путешественника водили именно в генизу, так как трудно даже предполагать, что столь

Западная стена и дверной проем несут на себе следы тщательной обработки, в углах пещеры можно увидеть следы расширяющей ее подрубки. Вряд ли бы так стали бы обустраивать хозяйственное помещение. Оба отверстия в западной стене нетипичны для обжитых пещер этого региона. Их назначение может объясняться использованием данной пещеры в качестве особого архива караимской общины Кале — генизы⁷⁷. Через верхнее отверстие могли регулярно и свободно опускать в хранилище отдельные книги или

Рис. 27. Пещера под кенассами. Выемка у восточной стены.

Fig. 27. The cave under the kenesas. A recess in the east wall.

⁷⁶ Эта лестница соединяла пещерные часовни церкви у Южных ворот Чуфут-Кале и на плато (Чореф, Чореф 2007: 229—234).

⁷⁷ Научная литература, посвященная такому важному в еврейской культовой практике явлению как генизу (от древнееврейского **תְּנִזֵּן** — копить, собирать, хоронить, также см. **תְּנִזֵּן** — хранилище, сокровище (Есфирь 3:9); **תְּנִזֵּן** — укладка, ларь, ящик для хранения чего-либо (Иезек. 27:24), **תְּנִזֵּן** — сокровище (Ездра 5:17) и т.д.), достаточно обширна. Сошлемся на библиографию, приведенную в «Encyclopaedia Judaica» (Encyclopaedia Judaica 2006: 460).

древний свиток мог быть использован при богослужении. Однако он находился в достаточно хорошем состоянии — его демонстрировали высокопоставленным гостям. Кроме того, по свидетельству А. В. Терещенко, свиток хранился в «синагоге» — т.е. в помещении, сопряженном с одним из домов собраний Чуфут-Кале, или размещавшемся близ них.

Один аспект вышеприведенной цитаты путешественника требует отдельного комментария. Датирование Пятикнижия несколькими веками до Р.Х. вызывает явные сомнения. Ведь столь древние тексты до сих пор не выявлены. Предполагаем, что путешественник осматривал коллекцию известного фальсификатора А. С. Фирковича⁷⁸. Вероятно, при нем в помещении для хранения «раритетов» были устроены шкафы и переделана дверь.

В ходе собирательской деятельности Фирковича гениза была опустошена. А так как к тому времени основная часть караимского населения уже перебралась в Бахчисарай, то пещера осталась пустовать.

Таким образом, тщательно обследовав одну из пещер южного склона Чуфут-Кале и проанализировав ее месторасположение, мы можем прийти к следующим выводам: перед нами еще одна интереснейшая пещерная церковь и ритуальное место хранения текстов караимской общины.

2.3. Археологические материалы

Мы не можем основываться исключительно на результатах исследования пещер у Южных ворот и должны учесть артефакты из слоя, образовавшегося ниже их по склону. Есть все основания считать, что он стек с поверхности плато, и, в таком случае, может содержать предметы, используемые священнослужителями, создавшими изучаемый культовый комплекс. Кроме того, изучение содержания слоев, образовавшихся в пещерах после их оставления, позволяет датировать это событие. Учитывая эти обстоятельства, опишем артефакты, найденные М. Я. Чорефом во время раскопок изучаемого пещерного комплекса.

Итак, в 1976 г. ходе расчистки пещеры проповедника и смежного с ним баптистерия от натеков земли были обнаружены исключительно позднесредневековые материалы (Чореф 1976: 3). Речь идет о керамике: поливной желтого и зеленого цветов, красноглиняной, а также о фрагментах турецкой фаянсовой расписной посуды (рис. 28). Очевидно, что они выпали в слой уже в позднейший период, в позднем средневековье, когда жители Чуфут-Кале старательно удали с поверхности населенной части плато следы своей жизнедеятельности.

В тоже время на самом плато, близ изучаемого комплекса, был найден пентануммий Юстина I (518—527) чекана Константинополя, с хризмой на реверсе (Чореф 1973: 4). Эта монета могла находиться в обращении до нач. VII в. (Чореф 2008b: 118). Причем это не единственная раннесредневековая находка на плато — на Бурунчаке при вспашке земли были собраны обломки амфор VIII—IX вв. (Чореф 1973: 4), а близ Кичик-Капу М. Я. Чорефом была найдена ранневизантийская широкопластинчатая фибула VI в. типа «Сучидава» (Пиоро 1990: 76, рис. 15: 8).

⁷⁸ Заметим, что М. И. Артамонов не упоминал его имени, не добавляя крайне корректного эпитета: «известный своими подделками» (Артамонов 1962: 8—9, 30). Лучшее изложение биографии этого «исследователя» приведено Д. Дейнардом (Дейнард 1968). Так же следует обратить внимание на труд Д. Шапира (Шапиро 2003: 533—555).

Однако следует учесть то обстоятельство, что монета Юстина I была найдена на далекой периферии византийского мира. Так что она могла быть использована не только в качестве платежного средства. Полагаем, что пентануммий с хризмой вполне мог служить оберегом.

Считаем необходимым обратить внимание читателя на следующий аспект. Интересно то, что ранневизантийские монеты на территории Чуфут-Кале и в его ближайшей окрестности крайне редки. Кроме пентануммия Юстина I были найдены только субэрратный солид Юстиниана I (527—565), неопределенная медная (Кропоткин 1962: 34, № 225) и бронзовая монета VI в. (Кропоткин 1962: 35, № 227), а также гексаграмма Ираклия I (610—641) (Кропоткин 1962: 35, № 226). Причем их обнаружили не на плато, а при раскопках варварского некрополя Мариамполя (Кропоткин 1962: 34—35, № 225—227). В тоже время монеты средневекового Херсона на территории Чуфут-Кале и окрестности найдены не были. Учитывая это обстоятельство, делаем вывод, что культовый центр практически не был связан с византийскими владениями на территории Таврики. Получается, что обращение монет, найденных близ культового центра, регулировалось иными законами, не характерным для развитых районов империи. Полагаем, что варварское население ценило их или как металл, или как обереги.

Как видим, нумизматические материалы не позволяют установить время возникновения изучаемого пещерного комплекса. В сложившейся ситуации считаем необходимым обратить внимание не находки, найденные не в археологическом слое, а на поверхности земли, ниже по склону. Причем объектами нашего изучения могут стать только те из них, которые, в силу хорошей изученности, помогут уточнить период существования раннесредневекового культового центра у Южных ворот Чуфут-Кале.

Обратим внимание на довольно интересный и, безусловно, редкий для Крыма памятник — раннесредневековый финно-угорский зооморфный амулет (рис. 29). Этот артефакт, найденный близ городища Чуфут-Кале, точнее, на склоне у его Южных ворот в 1980-х гг., оказался в частном собрании и не был своевременно введен в научный оборот. В результате факт его обнаружения не был учтен ни И. А. Барановым в его монографии «Таврика в эпоху раннего средневековья. Салтово-маяцкая культура» (Баранов 1990), ни А. И. Айбабиным в фундаментальном исследовании «Этническая история ранневизантийского Крыма» (Айбабин 1999), ни В. В. Майко и А. В. Гавриловым, опубликовавшими в статье «Средневековые бронзовые гребни-амулеты финно-угорского типа из восточного Крыма» (Майко, Гаврилов 2013: 328—334) сводку подобного рода находок на территории полуострова. Учитывая это обстоятельство, приведем описание артефакта.

Он представляет собой бронзовое плоское литое изделие $4,8 \times 3,7$ см. Судим о технологии его производства, т.к. заметны наплывы металла с обеих сторон у ушка, а также у основания. Они могли образоваться только в том случае, если металл застыпал в форме с плохо сочлененными составляющими. Однако сами литники не прослеживаются. Вернее всего, они были удалены при окончательной обработке изделия.

Перейдем к описанию композиции нашего артефакта. Как видим (рис. 29), он представляет собой хорошо известное украшение — коньковую литую подвеску с прорезными шумящими привесками (Голубева 1966: 44). Судим по наличию в его составе двух конских голов на сильно вытянутых шеях, сочлененных друг с другом и с крепежным кольцом. Ниже помещена пластинка с отверстиями для подвешивания пяти бубенчиков, к сожалению, не сохранившихся. Подобные украшения были найдены при раскопках раннесредневековых Больше-Тиганского (Голубева 1979: 4, табл. 17: 3, 7) и Бродовского (Голубева 1966: рис. 6: 1—3, 5—7) могильников, Биляра (Голубева 1979: табл. 17: 12),

Танкеевского некрополя (Голубева 1979: табл. 17: 4, 5), а также Веселовского кладбища (Голубева 1979: табл. 17: 6). По мнению ряда исследователей, их изготавливали в VII—XI вв. (Голубева 1979: 44).

Очевидно, что подобного рода артефакты ценили. И, действительно, наше изделие довольно хорошо украшено: морды и гривы коней отмечены рельефными черточками, просматриваются и их пасти. Вполне возможно, что были обозначены и глаза, однако они явно не просматриваются. Все прочие участки поверхности артефакта также украшены черточками и линиями, судя по фактуре, переданных еще в процессе литья.

Судя по тщательности обработки, мы имеем дело с парадным украшением, по данным археологии, женским, исполнявшим магическую функцию. Действительно, сам образ коня связан с культом солнца и богини природы — матери всего сущего (Голубева 1966: 80). Этим обстоятельством следует объяснять его популярность при оформлении как домов, так и предметов обихода у большинства этносов Евразии. Учтем и то, что культ коня был характерен для народов, находящихся на этапе перехода к производящему хозяйству (Голубева 1979: 6), в т.ч. у раннесредневековых финно-угорских народностей: мери, мари и чувашей, а также мещеры, мордвы и муромы (Голубева 1966: 6, 7).

Перейдем к датировке нашего амулета. Сразу же заметим, что, судя по тщательности проработки элементов его оформления, он довольно поздний. Собственно, у нас есть все основания отнести наш артефакт ко второму варианту I типа по классификации Л. А. Голубевой (Голубева 1979: 86, 87—89, рис. 7: 4). Эти изделия характеризуются наличием у коней длинных шей и петлеобразной формой крепежного ушка. В данном случае мы основываемся на выводах, сделанных В. А. Обориным (Оборин 1969: 15—20) и Л. А. Голубевой (Голубева 1966: 80—98; Голубева 1979). По логике этих исследователей, заинтересовавший нас амулет может быть датирован кон. VIII — нач. IX в.

Попытаемся объяснить факт обнаружения заинтересовавшего нас артефакта в Юго-Западном Крыму. Первым делом вспомним о том, что в восточной части полуострова уже фиксировались находки подобных артефактов. Как правило, их приурочивают к периоду существования салтово-маяцкой культуры (Баранов 1990: 144, рис. 58). Однако напомним, что памятники такого рода в Юго-Западном Крыму крайне редки (Чореф 2015а: 150—152; Чореф 2015с: 200—203). О влиянии хазар свидетельствует только массовое керамическое производство (Айбабин 1999: 192, 212). В тоже время в их в погребениях в Юго-Западном Крыму не известны финно-угорские украшения, и, в частности, коньковидные подвески (Айбабин 1999: 218).

Однако у нас нет оснований атрибутировать изучаемый амулет как украшение, принятое только у венгров. Напомним, что этот, тогда еще кочевой народ, в кон. VIII — нач. IX в. совершил набеги на Центральный Крым. В ходе одного из них было уничтожено поселение Тау-Кипчак (Айбабин 1999: 220). Однако венгры тогда не заселяли Юго-Западный Крым. Их кочевья находились в степном регионе — в Леведии, расположенной севернее Таврики (Цукерман 1998: 663—686).

Следовательно, у нас есть основания полагать, что заинтересовавший нас амулет мог оказаться в Крыму уже после гибели Хазарского каганата. И, действительно, В. В. Майко и А. В. Гаврилов датировали найденные в районе Белогорска гребневидные финно-угорские амулеты не салтово-маяцким, а средневизантийским периодом (Майко, Гаврилов 2013: 333). В таком случае проникновение подобных украшений в Крым можно объяснить контактами жителей Крыма с жителями Древнерусского государства.

Не противоречат этому выводу результаты изучения наземных архитектурных сооружений. Речь идет о Средней стене Чуфут-Кале. Как уже было сказано выше, Ю. М. Могаричев датирует ее кон. VI—VII в. (Могаричев 2010: 247—248).

Итак, изучение археологических материалов позволило уточнить наши представления о времени существования пещерного культового комплекса и обстоятельствах его возникновения. Полагаем, что он, определенно, раннесредневековый. Пещерный комплекс являлся миссионерским центром, созданным для христианизации местного варварского населения. Вернее всего, речь должна идти о монастыре. В тоже время в последующем он был слабо связан с византийскими владениями в Таврике.

Полагаем, что это обстоятельство говорит о том, что монастырь как миссионерский центр возник при Юстине I или в нач. правления Юстиниане I, т.е. во время максимального усиления византийского влияния на полуострове. В результате общего кризиса империи при последнем императоре и его преемниках контакты наследников монастыря и византийских властей были прерваны. Однако, судя по коньковидной подвеске, он существовал, по крайней мере, в средневизантийский период.

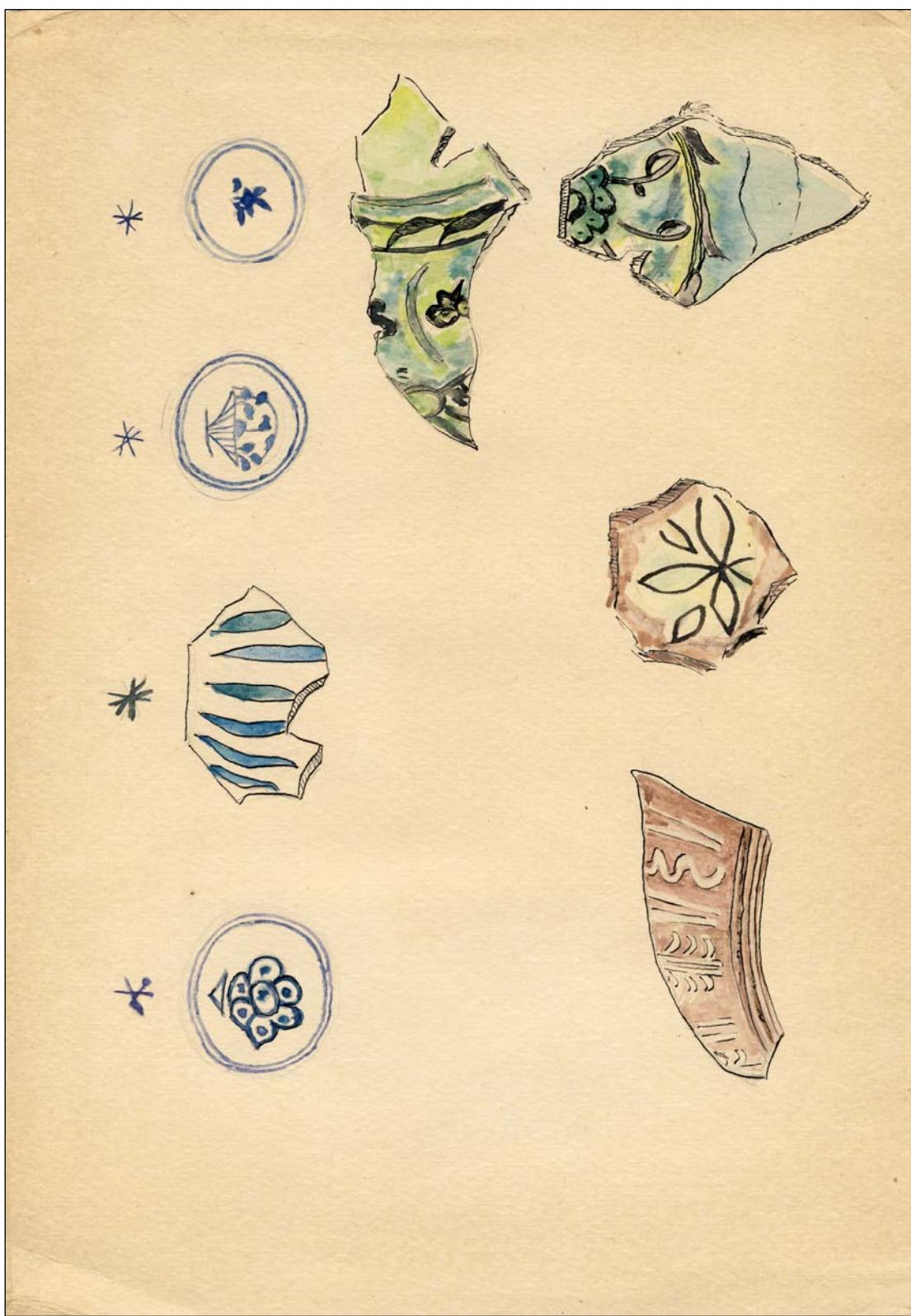

Рис. 28. Фрагменты керамики из раскопок пещер у Южных ворот Чуфут-Кале (по Чореф 1979).

Fig. 28. Fragments of pottery from excavations in the caves near the South gate of Chufut Kale (after Choref 1979).

Рис. 29. Амулет, найденный у Южных ворот Чуфут-Кале.

Fig. 29. Amulet was founded near the South gate of Chufut Kale.

Заключение

Одной из целей нашей работы является обоснование нашей методики выявления культовых центров средневекового Крыма. Ее мы собирались подтвердить в результате изучения комплекса пещер, расположенных у Южных ворот Чуфут-Кале. Полагаем, что на данном этапе исследования мы располагаем достаточным для этого объемом данных.

Расположенные на подъеме в городище келья, хозяйственное помещения, агиасма, костница и часовня могли появиться в период активного распространения христианства на полуострове. Этот процесс происходил в Таврике в VI—VII вв. В данном случае, мы основываемся на методике датировки пещерных сооружений, предложенной Ю. М. Могаричевым (Могаричев 1992: 5—132, рис. 1—100). Однако у нас все же нет оснований датировать изученный комплекс столь узким периодом времени. Ведь мы пока оперируем исключительно результатами изучения обработанных скальных поверхностей. Как мы уже писали, археологические артефакты их этого района Чуфут-Кале крайне невыразительны. Надеемся, что пещерные сооружения удастся датировать в результате изучения прилегающего к ним участка южного склона плато. Но это дело будущего.

Однако уже сейчас мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, есть причины связывать эти объекты в единый комплекс с башней, расположенной западнее Южных ворот, прикрывающей вход в осадный колодец. Это очень важно, так как подобного рода укрепление, причем определенно раннесредневековое, было создано на Эски-Кермене (Айбабин 1999: 114). Следовательно, мы вправе допустить, что «пещерный» монастырь у Южных ворот современного Чуфут-Кале мог возникнуть в раннем средневековье.

Далее, у нас есть основания проследить его первоначальную территорию, а также оценить темпы его роста. Для этого достаточно обратить внимание на культовые сооружения этого комплекса, к примеру, на расположенные западнее кельи «пещерную» часовню, костицу и агиасму. Вверх от них по склону сохранилась вырубленная в скале лестница. Получается, что комплекс был, во-первых, довольно значительным, и, во-вторых, приспособленным для крестных ходов, за которыми могли наблюдать местные жители. Таким образом, у нас есть основания считать, что уже изначально монастырь включал в свой состав весь район Южных ворот Чуфут-Кале.

Собственно, в этом был определенный смысл. Дело в том, что современное устройство этого оборонительного узла отнюдь не безупречно. Совершенно очевидно, что противник мог беспрепятственно подойти к Южным воротам, находясь в мертвую зоне. А она, что странно, проходит непосредственно по южному склону плато. Далее, оказавшись под воротами, враг мог не штурмовать их в лоб, а подняться по пещерам непосредственно на оборонительную стену, которая, заметим, отнюдь не высока.

И это вполне объяснимо тем, что Чуфут-Кале никогда не было крепостью. Мало того, господствующие в позднесредневековом Крыму мусульмане не были заинтересованы в его неприступности. Наоборот, им жизненно важно было подчеркнуть уязвимость гетто в Чуфут-Кале. Вследствие этого оборонительная система этого центра не соответствует элементарным требованиям, предъявляемым к позднесредневековым укреплениям.

Начнем с того, что она не позволяет вести эффективный огонь по неприятелю из огнестрельного оружия. Собственно, его было в Чуфут-Кале явно недостаточно — прослеживаются только редкие ружейные бойницы у ворот, причем из них нельзя было вести прицельный огонь длительное время. Как ни странно, стражи крепости должны были

располагаться не на укрепленных, удобных позициях, а стоять на парапете стены. Причем эти стрелки даже не могли покинуть свой боевой пост в случае захвата противником Южных ворот — они попросту оказывались в таком случае в зоне прямого поражения. Стало быть, мы можем заключить, что в позднесредневековом Чуфут-Кале находились не воины, а стражники, охранявшие порядок в поселении и исполнявшие таможенные функции. В поселение входило в зону турецких владений на полуострове (Кеппен 1837: 78). Эти обстоятельства не позволяли крымским феодалам разграбить его.

Другое дело — оборонительные сооружения «пещерного» монастыря. Они должны были быть размещены таким образом, чтобы не только прикрыть подступы к плато, но и защитить жизненно важный осадный колодец. Учитывая это обстоятельство, можно полагать, что вода была ценна уже в тот период. Вернее всего, пересыхание источника, снабжавшего колодец, произошедшее в ходе мощного землетрясения, и побудило жителей позднейшего городища перенести стену выше по склону. Но в любом случае сама идея такой защиты осадного колодца не могла не быть «знаковой». Полагаем, что она является плодом идей византийского военного искусства. Допускаем, что эти укрепления были построены также в раннем средневековье.

Убеждает нас в этом сам факт существования Средней оборонительной стены. Она весьма примечательна. Ее панцири сложены из хорошо подтесанных квадров, причем всухую. Между ними — забутовка, представляющая собой утрамбованную в древности массу, состоящую из мелкого бутового камня, глины и известкового раствора. Заметим, что подобным образом были воздвигнуты хорошо сохранившиеся укрепления византийского Херсона. Допускаем, что Средняя оборонительная стена защищала изучаемый нами монастырь.

О том, что на плато располагался именно монастырь, а не большое поселение с рядом культовых объектов, говорит то, что на территории Чуфут-Кале нет иных военных или гражданских раннесредневековых объектов, а только церкви и часовни. Кроме того, сам факт наличия скальной лестницы для крестного пути, проходящей через южную стену, через зону пещер у современных Южных ворот до расположенной у Средней оборонительной стены часовни убедительно свидетельствует о том, что укрепление должно было защищать именно монастырь.

Обратим внимание и на прочие культовые объекты, выделенные нами в процессе исследования. Переходим к церкви у Южных ворот. Конечно, речь идет не о пещере, осмотренной А. Н. Поповым, — ему показали заброшенную мастерскую. Любопытно сооружение, открытое М. Я. Чорефом. Там сохранились явные признаки культового сооружения: выемки для крепления алтарной преграды, подрубки под иконы, а также процарапанные кресты, а также подтесанные, но все же заметные следы наличия абсиды. Учитывая выводы, сделанные Ю. М. Могаричевым, а также обнаружение на ее стенах раннесредневековых культовых граффити, заключаем, что в пещере могла находиться церковь.

Считаем важным обратить на следующее обстоятельство. Обоснованная датировка церкви у Южных ворот не дает нам оснований увязывать основание монастыря с иконоборческим периодом. Заметим, что и сейчас в науке идет спор о возможности отнесения пещерных культовых центров Таврики к той эпохе. Думается, что церковь у Южных ворот могла быть высечена и до начала гонений на иконопочитателей, ее, видимо, воздвигли одновременно с основанием изучаемого нами раннесредневекового монастыря.

О том, что монастырь был довольно значительным, свидетельствует обилие пещер, расположенных севернее Южных ворот. Вслед за А. Г. Герценом и Ю. М. Могаричевым считаем, что в них могла жить братия и находились необходимые ей службы. К сожалению, эти пещеры подверглись позднейшим, причем неоднократным переделкам. Но сам факт их наличия в районе Южных ворот лишает нас оснований считать их изначально хозяйственными или оборонительными. Дело в том, что они крайне уязвимы при штурме. Ведь нынешняя стена их не защищает. Мало того, враг, ворвавшийся в город, мог сравнительно быстро уничтожить тех жителей города, которые попытались бы укрыться в этих пещерах. И, наконец, отходы производств, размещенных в этих выработках в позднее средневековье, должны были стекать к Южным воротам, объективно затрудняя прохождение по ним. Следовательно, у нас есть основания считать, что позднейшие переделки этих пещер в конце концов привели к прекращению движения по улицам в этом районе города. Действительно, район у Южных ворот превратился в самый бедный и редко посещаемый квартал поселения.

Перейдем теперь к самому восточному культовому сооружению монастыря — к часовне, со временем преобразованную в генизу. Она также крайне интересна. Ее устройство нетипично для прочих культовых сооружений монастыря. Обратим внимание на то, что выемка под моши располагается в ней непосредственно у стены, под абсидой. Судя по технике обработки восточной стены, она была вытесана в X—XII вв. (Могаричев 1992: 95—97). Следовательно, мы можем считать, что эта часовня появилась позже церкви у Южных ворот.

Сколько долго существовал монастырь, мы только по данным христианской археологии установить не можем. Да, многие культовые помещения были перерублены, но когда это происходило, неизвестно. Однако нам доступны хорошо датируемые археологические артефакты. Учитывая факт обнаружения финно-угорской подвески, бытовавшей и в среде восточных славян, заключаем, что монастырь посещался паломниками в X—XII вв. Позднейшие артефакты в районе монастыря не найдены. Мало того, налицо основания считать, что плато вновь было заселено только в золотоордынский период (Герцен, Могаричев 1993: 56—57). Полагаем, что монастырь погиб, вернее всего, под ударами половцев.

Сам же факт возникновения «пещерного» монастыря на заре византийской эпохи убедительно свидетельствует в пользу вывода о том, что и остальные «пещерные города» Таврики могли быть основаны до эпохи иконоборчества.

Итак, изучив скальные сооружения монастыря у Южных ворот городища Чуфут-Кале, мы апробировали нашу методику выявления и датирования пещерных культовых объектов Горного Крыма. Полагаем, что они могли быть основаны в доиконоборческий период, а, точнее, в эпоху распространения христианства на полуострове.

Развивая этот тезис, мы попытались, во-первых, атрибутировать исследуемый пещерный комплекс, и, во-вторых, установить пределы расположенного на его территории объекта. Для этого мы тщательно изучили все крипты этого района. Как оказалось, у Южных ворот Чуфут-Кале находилась «пещерные» церковь, две часовни, келья, агиасма и две костницы. Вероятно, были и многочисленные одиночные могилы, однако многие из них были разрушены жителями позднесредневекового Чуфут-Кале. При этом пещеры были подрублены.

Однако даже после многочисленных переделок сохраняются отдельные, причем определенно значимые признаки, позволяющие убедительно атрибутировать «пещерные» церкви и часовни. Одна из пещер, расположенная ниже ворот, определенно должна быть

отнесена к кельям.

Не менее интересна и расположенная на том же уровне «пещерная» часовня. Она интересна тем, что также представляла собой открытый для обозрения культовый центр. Судим по тому, что ее южная стена отсутствует. В то же время ее восточная стена была образована с помощью ряда выемок, в которые вбивались бревна, служившие основой деревянной стены. Эта идея видится нам довольно остроумной. Однако ее реализация лишила нас возможности изучить район апсиды. Ни она, ни алтарная преграда, в силу используемой в древности технологии, не сохранились.

Выше, уже на плато, была исследована еще одна «пещерная» церковь. Ее изучение имеет длительную историю. Считалось, что ее впервые описал А. Н. Попов. Но мы, ознакомившись с археологическими отчетами М. Я. Чорефа и самостоятельно исследовав комплекс, пришли к иному выводу. Считаем, что А. Н. Попову показали обычную хозяйственную пещеру, в которой, очевидно размещалась ремесленная мастерская. В тоже время Е. В. Веймарн и М. Я. Чореф обнаружили пещеру, в которой была устроена раннесредневековая церковь, судя по вынесению ее алтарной преграды в наос.

К сожалению, сооружение сохранилось довольно плохо. Видно, что его длительное время использовали, переделывая по мере необходимости, так, восточная стена пещеры оказалась сильно подтесанной. В результате были уничтожены престол и конха. Значительные переделки прослеживаются и на южной стене — прорублены окна, снесена часть скамьи. В то же время на своде помещения сохранились вырубки для крепления бревен, с помощью которых была сформована алтарная преграда. Собственно, это обстоятельство, да еще и обнаружение в центральной части свода пещеры крепления для светильника позволили нам заключить, что пещера изначально не являлась хозяйственной или жилой, а имела социальное, вернее, культовое значение.

Примечательно, что в пещере выявлен баптистерий. Он был устроен в северной части помещения. Вернее всего, был перехвачен источник. В баптистерий вела хорошо сохранившаяся лестница, вытесанная в скальном массиве. Над входом в него выявлена выемка для крепления иконы.

Стоит обратить внимание и на то, что культовые сооружения на склоне и на плато Чуфут-Кале соединены прорубленной в скале лестницей. Безусловно, она была устроена для проведения крестных ходов.

Что же касается самого восточного из изученных пещерных помещений — позднейшей генизе под современными караимскими кенассами, то и она имела очевидное литургическое значение. Мало того, это самый интересный из изученных нами объектов. В ней сохранились явные следы первоначального устройства. Изначально там находилась часовня, судя по обнаружению выемки для установки ящичка для мощей. Она расположена под престолом. Позднее в пещере была устроена алтарная преграда, скорее всего деревянная. Сохранились только следы крепления ее составляющих в полу пещеры. Однако впоследствии часовня была заброшена. В ней стали содержать животных (на ее южной стене обнаружены каменные кольца для привязи). В позднейший период, связанный с деятельностью караимов, в пещере была создана гениза, поскольку на стенах пещеры сохранились следы крепления многочисленных шкафов. Учтем и тот факт, что, судя по описаниям Чуфут-Кале, под кенассами находилась пещера, в которой хоронили книги, т.е. была устроена гениза. Заметим, что это единственное сохранившееся пещерное помещение такого рода в Восточной Европе.

Чрезвычайный территориальный разброс культовых помещений, связанных между собой скальными лестницами, позволил нам сделать вывод, что все они представляли собой единый комплекс, вернее всего монастырский.

Что же касается защитных сооружений, то полагаем, что с востока монастырь был защищен Средней оборонительной стеной Чуфут-Кале⁷⁹. А она была построена по всем правилам ранневизантийской архитектурной школы. Просматриваются панцири, сложенные всухую из массивных, хорошо обработанных блоков — квадров. Между ними хорошо сохранилась забутовка, сформованная из бутового камня, глины и извести.

Южные подступы к монастырю прикрывали мощные стены. К сожалению, они не сохранились. Судим об их происхождении по башне над колодцем и по постели стены, прорубленной в скальном грунте. Сам факт существования этого сооружения позволяет датировать этот оборонительный комплекс ранним средневековьем⁸⁰.

Исследование комплекса Южных ворот позволило осветить «темный период» истории поселения на плато. У нас есть основания полагать, что расположение храмов, наличие путей, их соединяющих, а также качество кладки оборонительных сооружений позволяет установить время возникновения и длительность существования такого рода центров. Видимо, они возникли в раннем средневековье.

Считаем, что наша методика была успешно апробирована, в том числе с привлечением результатов археологических исследований. Надеемся, что результаты выполненной нами работы будут учтены исследователями и, в свою очередь, позволят по-новому взглянуть на историю скальных культовых центров Горного Крыма.

⁷⁹ В данном случае мы основываемся на результатах археологических исследований.

⁸⁰ Аналогичное сооружение сохранилось на городище Эски-Кермен.

Литература

Абрамова Н. А. 2015. Исследование пещерного города Эски-Кермен в 20-е — 30-е гг. XX века. *МАИАСК* 7, 106—124.

Айбабин А. И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.

Акчокраклы О. 1928. Новое из истории Чуфут-Кале. *ИТОИАЭ*. Т. II(59). Симферополь: Крымполиграфтрест, 158—171.

Артамонов М. И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Издательство государственного Эрмитажа.

Аспарухов М. 1984. *Средневековые графити от северо—запада България*. София: Археологически институт и музей БАН.

Атанасов Г. 1984. Средновековни скални църкви в Силистренски окръг. *ИНМВ* 20(5), 91—98.

Атанасов Г. 1989. Няколко скални манастири в Южна Добруджа. *ИНМВ* 25(40), 50—56.

Атанасов Г. 1990. *Скални монашески обители в Добруджа (IV—XIV вв.)*: автореф. на кандидатска дисертация. София.

Атанасов Г., Чешмеджиев Д. 1990. Средновековният скален манастир до Варна. *ИНМВ* 26(41), 110—140.

Бабенчиков В. П. Дневник сотрудника Крымской экспедиции ИИМК АН СССР (1952). Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 10. Д. 11.

Баранов И. А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья. Салтово-маяцкая культура*. Киев: Наукова думка.

Белый А. В., Карлов С. В. 2003. Архитектурные особенности и строительная периодизация оборонительной стены Пенждере-Исар на Чуфут-Кале. *Могилянські читання*. 2002. Київ: КМ Academia, 71—77.

Беридзе В. В. 1974. *Грузинская архитектура «раннехристианского времени» (IV—VII вв.)*. Тбилиси: Мецниереба.

Бертье-Делагард А. Л. 1886. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. *ЗООИД*. Т. XIV. Одесса: Типография А. Шульце, 166—279.

Бертье-Делагард А. Л. 1920. Исследование недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК*. № 57. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1—135.

Бертье-Делагард А. Л. 2011. *Избранные труды по истории христианства в Крыму. II*. Симферополь: Доля.

Бертье-Делагард А. Л. 2012. *Избранные труды по истории средневекового Крыма. III*. Симферополь: Доля.

Бобровский Т. А. 2001. Заметки о культовой архитектуре Юго-Западного Крыма. В: Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 256—278.

Бобровский Т. А., Чуева Е. Е. 2007. Пещерная церковь с фресками византийской эпохи в Юго-Западном Крыму. *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7-10 июля 2005 г. пос. Партенит*. Симферополь: Симферопольская и Крымская епархия, 181—212.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. И., Акчокраклы О. А. 1929. Чуфут-Кале по материалам раскопок 1928—1929 гг. *ИТОИАЭ*. Т. III(60). Симферополь: Крымполиграфтрест, 170—187.

Боровко Н. А. 1913. *Tene-Кермен. Очерк*. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства.

Быков О. А. 1953. Описание монет из раскопок на плато Мангупа в 1938 г. *МИА*. № 34. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 435.

Веймарн Е. В. 1992. «Пещерные города» Крыма. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 163—169.

Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я. 1974. Археологические исследования столицы

княжества Феодоро. В: Бибиков С. Н. (отв. ред.). *Феодальнаа Таврика*. Киев: Наукова думка, 123—138.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. 1976. «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия (Археологические памятники Крыма).

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. 1978. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму. В: Гапринашвили Г. М., Джавришвили К. В. и др. (ред.). *Пещеры Грузии*. № 7. Спелеологический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 139—153.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я., Чореф М. М. 2007. К вопросу о существовании раннесредневековой пещерной церкви в районе Южных ворот Чуфут-Кале. В: Алексеенко Н. А., Бабинов Ю. А., Хоффман Х. Х. (ред.). *Sacrum et Profanum. Сборник научных трудов*. Вып. III. *Небесные патроны и их земные служители*. Севастополь: Издательский дом «Максим», 49—56.

Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. 2004. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен. *ССб. 1*, 13—44.

Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Желтов М. С. 2005. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии. *РА 1*, 72—80.

Волошинов И. М., Клепинин Н. Н. 1913. Пещерное поселение Бакла в Крыму. *ЗКОЕиПП*. Т. II. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 151—160.

Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. 1992. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 169—181.

Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности — Салачик, Успенский скит, Кыркор (Чуфут-Кале), Тепе-Кермен, Качи-Кальян, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Мангуп-Кале и Сюрень. 1888. В: Попов А. Н. (сост.). Симферополь: Таврическая губернская типография.

Гапринашвили Г. М. 1975. *Памятник скальной архитектуры Вардзия (фотоальбом)*. Ленинград: Аврора.

Гапринашвили Г. М. 1987. *Гареджи*. Тбилиси: Сабчоча Сакартвело.

Гаркави А. Я. 1877. По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму. *ЖМНП*. Ч. СХСII. Пятое десятилетие. Июль. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 98—121.

Герцен А. Г. 2003. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея. *МАИЭТ X*, 562—589.

Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. 2006. *Пещерные города Крыма*. Севастополь: Библекс.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1992. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 182—192.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале*. Симферополь: Таврия.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1996. *Пещерные церкви Мангупа*. Симферополь: Таврия.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 2001. Восточная оборонительная стена Чуфут-Кале. В: Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 279—319.

Голубева Л. А. 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. *СА 3*, 80—98.

Голубева Л. А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *САИ*. Вып. Е1—59. Москва: Наука.

Даниленко В. Н. 1994. Монастырское хозяйство в Крыму. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, 127—145.

Дейнард Д. 1968. Толедот «Авен-Решеф». Биография А. Фирковича — ученого исследователя, известного учителя всех караимов р. Авраама, сына р. Самуила Фирковича, прозванного «Авен-Решеф». В: Гумуша Д. (пер.). Симферополь. Архив М. Я. Чорефа.

Днепровский Н. В. 2008а. К вопросу о локализации убежища святого Василия, епископа Херсонского. *МАИАСК 1*, 131—143.

Днепровский Н. В. 2008б. К истории христианского поселения на месте современного Бахчисарайя:

вновь найденный пещерный скит в старой части города. *МАИАСК* 1, 49—75.

Днепровский Н. В. 2010. Вновь открытый пещерный комплекс в Георгиевской балке (Севастополь). *МАИАСК* 2, 41—69.

Днепровский Н. В. 2011а. Культовый комплекс у Южных ворот Эски-Кермена. *МАИАСК* 3, 148—186.

Днепровский Н. В. 2011б. Пещерные сооружения восточного обрыва городища Кыз-Кермен. *МАИАСК* 3, 208—243.

Днепровский Н. В. 2012а. К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене. *МАИАСК* 4, 125—193.

Днепровский Н. В. 2012б. К истории с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики. *МАИАСК* 4, 194—206.

Днепровский Н. В. 2013а. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трех всадников». *МАИАСК* 5, 108—138.

Днепровский Н. В. 2013б. К вопросу об интерпретации ойконима «koutteley» из «Путеводителя» Ш. де Монтандона. *МАИАСК* 5, 139—161.

Днепровский Н. В. 2014. Из археологического наследия Е. В. Веймарна: «Ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена. *МАИАСК* 6, 417—455.

Днепровский Н. В., о. Виктор (Шкурдода В. А.) 2011. К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхиальных пещерных церквей Эски-Кермена. *МАИАСК* 3, 187—207.

Днепровский Н. В., Чореф М. М. 2007. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае. *Историческое наследие Крыма* 20, 18—25.

Днепровский Н. В., Чореф М. М. 2013. К вопросу о местонахождении надписи, обнаруженной В.И. Григоровичем в округе Черкес-Кермена. *МАИАСК* 5, 187—194.

Домбровский О. И. 1966. *Фрески Средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка.

Дончева-Петкова, Л. 1980. *Знаци върху археологически паметници от средновековна България VII—Х в.* София: Българска академия на науките.

Карлов С. В., Белый А. В. 2008. Каменные метательные снаряды из раскопок укрепления Пенждере-Исар на Чуфут-Кале. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 161—190.

Кеппен П. И. 1837. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник)*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Килиевич С. Р. 1982. *На горе Старо-Киевской*. Киев: Наукова думка.

Книга путешествия. *Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*. 1999. В: Бахревский Е. В. (пер. и комм.). Симферополь: Дар.

Куник А. 1876. Тохтамыш и Фиркович. По поводу спора о двух искаженных еврейских надписях и двух вымышленных летоисчислениях. Санкт-Петербург: Императорская академия наук (*Записки Императорской академии наук. № 3. Приложение*).

Лазаренко Е. И. 1992. Археологическая коллекция «пещерных городов» в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 193—209.

Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. *Симферополь и его окрестности*. 1890. В: Лашков Ф. Ф. (сост.). Симферополь: Типография Н. Т. Гордиевского.

Майко В. В. 2009. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. *Археологія* 2, 101—103.

Майко В. В. Монета Мамелюкского султаната в Юго-Западном Крыму. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 257—264.

Майко В. В., Гаврилов А. В. 2013. Средневековые изделия финно-угорского типа из восточного Крыма. *Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник* 12, 328—334.

Медынцева А., Попконстантинов К. 1985. *Надписи из Круглой церкви в Преславе*. София: Българска академия на науките.

Мелитаури К. Н. 1975. *Строительство и архитектура Вардзии*. Тбилиси: Мицниереба.

Могаричев Ю. М. 1992. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии и интерпретации). В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 5—132, рис. 1—100.

Могаричев Ю. М. 1993. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *История и археология Юго-Западного Крыма*, 213—224. Симферополь: Таврия, 213—225.

Могаричев Ю. М. 1994. Пещерные церкви в районе подземной дороги Эски-Кермена. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, 57—67.

Могаричев Ю. М. 1997. *Пещерные церкви Таврики*. Симферополь: Таврия.

Могаричев Ю. М. 2008. Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь? В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 82—90.

Могаричев Ю. М. 2010. *Крым. «Пещерные города»*. Киев: Выща школа — ХХІ.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. 2007. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»*. Симферополь: Антиква.

Мусин А. Е. 1993. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии. *AB* 2, 145—156.

Мусин А. Е. 2015. Литургические особенности храма. В: Тесленко И. Б., Мусин А. Е. (ред.-сост.). *AA*. № 32. Киев: Антиквар, 271—304.

Мыц В. Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Неделькин Е. В. 2015. Пещерный монастырь Шулдан в начале ХХI в. *МАИАСК* 7, 184—190.

Оболенский М. 1848. Сказание священника Иакова «О мощах неведомых». *ЗООИД*. Т. II. Отд. 2-3. Одесса: Городская типография, 685—692.

Оборин В. А. 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока в эпоху железа. *МИА*. № 169. *Древности Восточной Европы. К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова*. Москва: Наука, 15—20.

Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффи, Татарии и проч. 1634. 1902. *ЗООИД*. Т. XXIV. Одесса: Экономическая типография и литография, 89—180.

Оустерхаут Р. 2005. *Византийские строители*. Киев; Москва: Корин Пресс.

Паллас П. С. 1999. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. Москва: Наука (*Научное наследство*. Т. 27).

Панченко К. С., Чореф М. М. 2008. К истории одной пещеры Чуфут-Кале. *Религия в жизни человека и общества. Тезисы докладов и сообщений X Международной Крымской конференции по религиоведению*. Севастополь: НЗХТ, 58—59.

Панченко К. С., Чореф М. М. 2009. К истории одной пещеры Чуфут-Кале. В: Алексеенко Н. А., Хоффман Х. (ред.). *Sacrum et Profanum. Сборник научных трудов. IV. Религия в жизни человека и общества*. Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 225—228.

Первая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. *Севастополь и его окрестности — Инкерман, Херсонес, Балаклава, Георгиевский монастырь, Малахов курган, Братское кладбище*. 1889. В: Попов А. Н. (сост.). Симферополь: Таврическая губернская типография.

Пиоро И. С. 1990. *Крымская Готия*. Киев: Лыбидь.

Полевой В. М. 1973. *Искусство Греции. Средние века*. Москва: Искусство.

Попконстантинов К. 1980. За четенето и тзлкуването на надписа от с. Цар Асен. *Археология* 3—4, 44.

Попов А. Д. 2006. Симферопольская мужская казенная гимназия и ее учебные экскурсии. *Историческое наследие Крыма* 12—13, 116—120.

Протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии. 1889. *ИТУАК*. № 8. Симферополь: Типография газеты «Крым», 120—123.

Прохоров Д. А. 2014. К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX — начале XX вв. *МАИАСК* 6, 273—298.

Путешествие: *Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предпринятое в 1787 году*. 1786. Санкт-Петербург: Горное училище.

Раппопорт П. А. 1982. Архитектура древней Руси и археология. *КСИА* 172, 3—9.

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. Архив ЛО ИА. Ф. 10. Д. № 10.

Станчев С. Т. 1952. Църквата до с. Виница. *Известия на археологическия институт XVII*, 324.

Струков Д. П. 1876. *Древние памятники христианства в Тавриде*. Москва: Университетская типография (М. Катков).

Сумароков П. И. 1803. *Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду*. Ч. I. Санкт-Петербург: Императорская типография.

Терещенко А. 1854. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма. *ЖМНП*. Ч. LXXXIV. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 34—127.

Тунманн [Й]. 1936. *Крымское ханство*. В: Эрнст Н. Л., Белявская С. Л. (пер.). Симферополь: Государственное издательство Крым. АССР.

Турова Н. П. 2013. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма. *Stratum plus* 6, 79—105.

Турова Н. П. 2014а. Раскопки средневекового христианского пещерного комплекса хребта Иограф над г. Ялта. В: Козак Д. Н. (гол. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2013*. Київ: ІА НАН, 88—89.

Турова Н. П. 2014б. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой. *МАИАСК* 6, 93—173.

Турова Н. П. 2015. История изучения христианских древностей Южного берега Крыма. *МАИАСК* 7, 154—183.

Уваров А. С. 1910. *Сборник мелких трудов*. Т. 3. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.

Хапаев В. В. 2008. Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса. *МАИАСК* 1, 89—116.

Цукерман К. 1998. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 г. *МАИЭТ* VI, 663—686.

Чореф М. М. 2007а. К вопросу о периоде функционирования монетного двора г. Кырк-Йера. *МАИЭТ* XIII, 375—382.

Чореф М. М. 2007б. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) — в ст. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко Е.В., Смокотиной А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп) I горизонт застройки (XVI—XVIII). *МАИЭТ* XIII, 290—298.

Чореф М. М. 2008а. К вопросу о возможности медного чекана в Крымском ханстве в XV веке. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *БИАС*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 265—281.

Чореф М. М. 2008б. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона. *МАИАСК* 1, 117—130.

Чореф М. М. 2008с. К истории Эски-Юрта. *МАИАСК* 1, 145—153.

Чореф М. М. 2008д. Церковь Бахчисарайского дворца. *Исследования по арменистике в Украине*. Вып. 1. Симферополь: Печатный салон «PrintPix», 67—70.

Чореф М. М. 2009а. К биографии А.Л. Бертье-Делагарда: его роль в атрибуции «Надписи Зинона». *Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20—22 апреля 2009, г.Тюмень)*. Тюмень: Мандр и К^а, 360—367.

Чореф М. М. 2009б. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви Св. Константина (II горизонт застройки) — в ст. Герцен А. Г., Науменко В. Е. 2009. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.). *МАИЭТ* XV, 408—410.

Чореф М. М. 2010. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина — в ст. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. 2010. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — начало X вв.). *МАИЭТ* XVI, 274.

Чореф М. М. 2011. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI—XIX вв. *МАИАСК* 3, 359—370.

Чореф М. М. 2015а. Византийская Таврика в период хазарской экспансии. *Россия в зеркале военной истории. Материалы II Международной научно-практической конференции к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Центр нравственного и патриотического воспитания «НАСЛЕДИЕ»*. Кострома: Костромской государственный технический университет, 150—152.

Чореф М. М. 2015b. *История византийской Таврики по данным нумизматики*. Тюмень; Нижневартовск (МАИАСК Supplement 1).

Чореф М. М. 2015c. К истории Таврики — контактной зоны Византии и Хазарского каганата. В: Коричко А. В. (отв. ред.). *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции*. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 200—203.

Чореф М. М., Яшаева Т. Ю. 2008. Клад серебряных монет из пещерного комплекса в округе Херсона. *МАИЭТ XIV*, 434—447.

Чореф М. Я. 1972. *Отчет об археологических раскопках на Чуфут-Кале в 1971 г.* Архив М. Я. Чорефа.

Чореф М. Я. 1973. *Отчет об археологических охранных работах на средневековом городище Чуфут-Кале и в Бахчисарайском районе, проведенных в 1972 г.* Архив М. Я. Чорефа.

Чореф М. Я. 1974а. *Отчет о плановых и охранных археологических работах, проведенных зав. отделом пещерных городов Бахчисарайского историко-археологического музея Чорефом М. Я. в 1973 году.* Архив М. Я. Чорефа.

Чореф М. Я. 1974б. Работы на Чуфут-Кале. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1973 г.* Москва: Наука, 359.

Чореф М. Я. 1976. *Отчет об археологических открытиях на средневековом городище Чуфут-Кале, сделанных в период проведения работ по благоустройству этого памятника в 1975 г.* Архив М. Я. Чорефа.

Чореф М. Я. 1977. *Отчет об археологических работах на средневековом городище Чуфут-Кале, проведенных в период работ по благоустройству этого памятника в 1976 г.* Архив М. Я. Чорефа.

Чореф М. Я. 1985. К вопросу об аланах в средневековом Крыму (Знаки над входом в городище Чуфут-Кале). В: Кузнецов В. А. (отв. ред.). *Археология и традиционная этнография Северной Осетии*. Орджоникидзе: СОНИИ, 67.

Чореф М. Я. 1993. *Крымские караимы*. Москва: [б.и.].

Чореф М. Я. 1997. Крымские караимы: элементы язычества. В: Глушак А. С., Артюх П. И (ред.). *Боги Тавриды: история религий народов Крыма*. Севастополь: [б.и.], 220—228.

Чореф М. Я., Чореф М. М. 2008. Культовый комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале. *Религия в жизни человека и общества: тезисы докладов и сообщений X Международной конференции по религиоведению. Севастополь, 13-16.05.2008 г.* Севастополь: НЗХТ, 78—79.

Чореф М. Я., Чореф М. М. 2009. Культовый комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале. В: Алексеенко Н. А., Хоффман Х. (ред.). *Sacrum et Profanum IV. Религия в жизни человека и общества. Сборник научных трудов*. Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 229—234.

Шапира Д. 2003. Йицхак Сангари, Сангарат, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: История двух поддельных надписей. *МАИЭТ X*, 533—555.

Шевченко Ю. Ю. 2010. *Христианские пещерные святыни. Т. 2. Подземные святыни христианской Руси. Генезис, функционирование, контекст*. Санкт-Петербург: Наука.

Шевченко Ю. Ю. 2011а. К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов Восточной Европы. *МАИАСК* 3, 55—147.

Шевченко Ю. Ю. 2011б. Осколки Готской митрополии: финал христианских пещерных комплексов Подонья. *МАИАСК* 3, 244—274.

Шевченко Ю. Ю. 2012. Еще раз о Готской митрополии. *МАИАСК* 4, 109—124.

Шукров Ш. М. 2002. *Образ Храма*. Москва: Прогресс—Традиция.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 1901. Т. XXXIV. Трумп — Углеродистый кальций. Санкт-Петербург: Типолитография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз—Ефронъ, 418—419.

Эрнст Н. Л. 1929. Эски-кермен и пещерные города Крыма. *ИТОИАЭ* III(60). Симферополь: Крымполиграфтрест, 25—36.

Якобсон А. Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). *МИА*. № 17. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.

Якобсон А. Л. 1964. *Средневековый Крым*. Москва; Ленинград: Наука.

Яшаева Т. Ю. 1994. Пещерный комплекс в округе Херсонеса. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, 71—81.

Яшаева Т. Ю. 1998. Поливная керамика из раскопок загородных пещерных монастырей Херсона. *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции*. Симферополь: [б.и.], 198—200.

Яшаева Т. Ю. 1999. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове. *ХСб.* 10, 349—358.

Яшаева Т. Ю. 2006. Поздневизантийская пещерная лавра Херсона. *МАИЭТ* XII, 321—360.

Encyclopaedia Judaica. 2007. 2nd Edition. Vol. 7. Fey — Gor. Detroit; New York; San Francisco; New Haven; Waterville; London: Thomson Gale.

IOSPE V: Виноградов А. 2015. Древние надписи Северного Причерноморья. Т. 5. Византийские надписи. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/locations.html> (дата обращения 01.10.2015).

Rodley L. 1985. *Cave monasteries of Byzantine Cappadocia*. London: Cambridge University Press.

Ševčenko I. 1971. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus. *DOP* 25, 117—188.

Типография פִּירָקָאַיִּז אַבְּרָהָם. 1872. רְפֵס יִנְבָּא וּרְכֵז: יְרִיך יְאָה יְצָהָב לְאַרְשֵׁי יְנֵב יְרָבָק לְעַזְבָּצָמָה תּוֹמִישָׁר פְּסָאָמָה. וּלְלָנָא: С. И. Фина и А. Г. Розенкранца.

References

Abramova, N. A. 2015. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 7, 106—124 (in Russian).

Ajbabin, A. I. 1999. *Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma (Ethnic History of Early Byzantine Crimea)*. Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).

Akchokrakly, O. 1928. In *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i jethnografii (Proceeding of Taurian Society of History, Archaeology and Ethnography)*. Vol. II(59). Simferopol: “Krympoligraftrest” Publ., 158—171.

Artamonov, M. I. 1962. *Istorija khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: “Izdatel’stvo gosudarstvennogo Jermitezha” Publ. (in Russian).

Asparuhov, M. 1984. Srednevekovye grafiti ot severo—zapada Blgarija (Medieval graffiti on the north-west of Bulgaria). Sofija: “Arheologicheski institut i muzej BAN” (in Bulgarian).

Atanasov, G. 1984. In *Izvestija na Narodnija muzej — Varna (Proceedings of the National Museum — Varna)* 20(5), 91—98 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 1989. In *Izvestija na Narodnija muzej — Varna (Proceedings of the National Museum — Varna)* 25(40), 50—56 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 1990. *Skalni monasheski obiteli v Dobrudzha (IV—XIV vv.) (Rock monasteries in Dobrogea (IV—XIV cc.))*: Cand. Diss. Sofija. (in Bulgarian).

Atanasov, G., Cheshmedzhiev, D. 1990. In *Izvestija na Narodnija muzej — Varna (Proceedings of the National Museum — Varna)* 26(41), 110—140 (in Bulgarian).

Babenchikov, V. P. Dnevnik sotrudnika Krymskoj jekspedicii IIMK AN SSSR (1952). Arhiv LOIA AN SSSR. F. 10. D. 11. (in Russian).

Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v jepohu rannego srednevekov'ja. Saltovo-majackaja kul'tura (Taurika in the early Middle Ages. Saltovo-Mayaki)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Belyj, A. V., Karlov, S. V. 2003. In *Mogiljans'ki chitannja (Mogiljanski readings)*. 2002. Kiev: "KM Academia" Publ., 71—77 (in Russian).

Beridze, V. V. 1974. *Gruzinskaja arhitektura «rannechristianskogo vremeni» (IV—VII vv.) (Georgian architecture of "Early Christian times" (IV—VII cc.))*. Tbilisi: "Mecniereba" Publ. (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 1886. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)*. Vol. XIV. Odessa: "Tipografija A. Shul'ce" Publ., 166—279 (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 1920. In *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)*. № 57. Simferopol: "Tipografija Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva" Publ., 1—135 (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 2011. *Izbrannye trudy po istorii christianstva v Krymu (Selected works on the history of Christianity in Crimea)*. II. Simferopol: "Dolja" Publ. (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 2012. *Izbrannye trudy po istorii srednevekovogo Kryma (Selected works on the medieval history of the Crimea)*. III. Simferopol: "Dolja" Publ. (in Russian).

Bobrovskij, T. A. 2001. In *Bahchisarajskij istoriko-archeologicheskij sbornik (Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works)*. Vol. 2. Simferopol: "Tavriya-Plus" Publ., 256—278 (in Russian).

Bobrovskij, T. A., Chueva, E. E. 2007. In *Materialy Mezhdunarodnoj cerkovno-istoricheskoy konferencii "Duhovnoe nasledie Kryma" pamjati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo. 7-10 iulja 2005 g. pos. Partenit (Proceedings of the International Church-historical conference "The spiritual heritage of the Crimea" the memory of St. John, Bishop of Gothia. 7-10 July 2005 set. Partenit)*. Simferopol: "Simferopol'skaja i Krymskaja eparhija", 181—212 (in Russian).

Bodaninskij, U. A., Zasypkin, B. I., Akchokrakly, O. A. 1929. In *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i jetnografii (Proceedings of Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography)*. Vol. III(60). Simferopol: "Krympoligraftrest" Publ., 170—187 (in Russian).

Borovko, N. A. 1913. *Tepe-Kermen. Ocherk (Tepe-Kermen. Essay)*. Simferopol: "Tipografija Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva" Publ. (in Russian).

Bykov, O. A. 1953. In *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR (Materials and research on the archeology of the USSR)*. № 34. Moscow; Leningrad: "Akademija nauk SSSR" Publ., 435 (in Russian).

Vejmarn E. V. 1992. In *Problemy istorii "peshhernyh gorodov" v Krymu (History problems of "cave cities" in Crimea)*. Simferopol: "Tavrija" Publ., 163—169 (in Russian).

Vejmarn, E. V., Loboda, I. I., Pioro, I. S., Choref, M. Ja. 1974. In *Feodal'naja Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 123—138 (in Russian).

Vejmarn E. V., Choref M. Ja. 1976. "Korabl'" na Kache ("Ship" on Kacha). Simferopol: "Tavrija" Publ. (*Arheologicheskie pamjatniki Kryma (Archaeological monuments of Crimea)*) (in Russian).

Vejmarn E. V., Choref M. Ja. 1978. In *Peshhery Gruzii (Caves of Georgia)*. No 7. *Speleologicheskij sbornik (Speleological Collected Works)* Tbilisi: "Mecniereba" Publ., 139—153 (in Russian).

Vejmarn, E. V., Choref, M. Ja., Choref, M. M. 2007. In *Sacrum et Profanum. Sbornik nauchnyh trudov (Scientific Collected Works)*. Vol. III. *Nebesnye patrony i ih zemnye sluzhiteli (Heavenly patrons and their earthly servants)*. Sebastopol: Izdatel'skij dom "Maksim" Publ., 49—56 (in Russian).

Vinogradov, A. Ju., Gajdukov, N. E. 2004. In *Sugdejskij sbornik (Sugdaia Collected Works)* 1, 13—44 (in Russian).

Vinogradov, A. Ju., Gajdukov, N. E., Zhelтов, M. S. 2005. In *Rossijskaja arheologija (Russian archaeology)* 1, 72—80 (in Russian).

Voloshinov, I. M., Klepinin, N. N. 1913. In *Zapiski Krymskogo obshhestva estestvoispytatelej i ljubitelej prirody (Notes of the Crimean society of scientists and nature lovers)*. Vol. II. Simferopol: "Tipografija Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva" Publ., 151—160 (in Russian).

Voronin, Ju. S., Danilenko, V. N. 1992. In *Problemy istorii "peshhernyh gorodov" v Krymu (History problems of "cave cities" in Crimea)*. Simferopol: "Tavrija" Publ., 169—181 (in Russian).

Vtoraja uchebnaja jekskursija Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii v Bahchisaraj i ego okrestnosti — Salachik, Uspenskij skit, Kyrkor (Chufut-Kale), Tepe-Kermen, Kachi-Kal'en, Eski-Kermen, Cherkes-Kermen, Mangup-Kale i Sjuren' (The second study tour of the Simferopol gymnasium in Bakhchisaray and its surroundings — Salachik, Assumption monastery, Kyrkor (Chufut-Kale), Tepe-Kermen, Kachi-Kalen, Eski-Kermen, Circassian-Kerman, Mangup-Kale and Sjuren). 1888. Simferopol: "Tavricheskaja gubernskaja tipografija" Publ. (in Russian).

Gaprindashvili, G. M. 1975. *Pamjatnik skal'noj arhitektury Vardzia (fotoal'bom) (Monument rock architecture of Vardzia (photo album))*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Gaprindashvili, G. M. 1987. *Garedzhi (David Gareja)*. Tbilisi: "Sabchocha Sakartvelo" (in Russian).

Garkavi, A. Ja. 1877. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshenija (Journal of the Ministry of National Education)*. Pt. CXCII. *Pjatoe desjatiletie (The fifth decade). Ijul' (July)*. Saint Petersburg: "Tipografija V. S. Balasheva" Publ, 98—121 (in Russian).

Gertsen, A. G. 2003. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 562—589 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mahneva-Chernec, O. A. 2006. *Peshhernye goroda Kryma (Cave towns of Crimea)*. Sebastopol: "Bibleks" (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Ju. M. 1992 In *Problemy istorii "peshhernyh gorodov" v Krymu (History problems of "cave cities" in Crimea)*. Simferopol: "Tavrija" Publ., 182—192 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Ju. M. 1993. *Krepost' dragocennostej. Kyrk-or. Chufut-Kale (Fortress jewelry. Kirk-Or. Chufut-Kale)*. Simferopol: "Tavrija" Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Ju. M. 1996. *Peshhernye cerkvi Mangupa (Cave churches of Mangup)*. Simferopol: "Tavrija" Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Ju. M. 2001. In *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik (Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works)*. Vol. 2. Simferopol: "Tavriya-Plus" Publ., 279—319 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1966. In *Sovetskaja arheologija (Soviet archaeology)* 3, 80—98 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1979. In *Svod arheologicheskikh istochnikov (Collection of archaeological sources)*. Vol. E1—59. Moscow: "Nauka" (Publ.) (in Russian).

Danilenko, V. N. 1994. In *Problemy istorii "peshhernyh gorodov" v Krymu (History problems of "cave cities" in Crimea)*. Simferopol: "Tavrija" Publ., 127—145 (in Russian).

Dejnard, D. 1968. Toledot "Aven-Reshef". Biografija A. Firkovicha — uchenogo issledovatelja, izvestnogo uchitelja vseh karaimov r. Avraama, syna r. Samuila Firkovicha, prozvannogo «Aven-Reshef». V: Gumusha D. (per.). Simferopol'. Arhiv M. Ja. Chorefa (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2008a. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 1, 131—143 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2008b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 1, 49—75 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2010. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 2, 41—69 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2011a. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 148—186 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2011b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 208—243 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2012a. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 4, 125—193 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2012b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 4, 194—206 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2013a. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 5, 108—138 (in Russian).

Dneprovskij N. V. 2013b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 5, 139—161 (in Russian).

Dneprovskij, N. V. 2014. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 6, 417—455 (in Russian).

Dneprovskij, N. V., o. Viktor (Shkurdoda, V. A.) 2011. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 187—207 (in Russian).

Dneprovskij N. V., Choref, M. M. 2007. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The historical heritage of Crimea)* 20, 18—25 (in Russian).

Dneprovskij, N. V., Choref, M. M. 2013. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 5, 187—194 (in Russian).

Dombrovskij, O. I. 1966. *Freski Srednevekovogo Kryma (Medieval Frescoes of Crimea)*. Kiev: “Naukova dumka” (in Russian).

Doncheva-Petkova, L. 1980. *Znaci vrhu arheologicheski pametnici ot srednovekovna Blgarija VII—X v. (Signs on archaeological monuments of medieval Bulgaria VII—X centuries)*. Sofija: “Blgarska akademija na naukite” (in Bulgarian).

Karlov, S. V., Belyj, A. V. 2008. In *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik (Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works)*. Vol. 3. Simferopol: “Antikva” Publ., 161—190 (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. *O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskij sbornik) (The antiquity of the Southern Coast and mountains of Taurica (Crimea collection))*. Saint Petersburg: “Imperatorskaja Akademija nauk” (in Russian).

Kilievich, S. R. 1982. *Na gore Staro-Kievskoj (On the mountain of Old-Kiev)*. Kiev: “Naukova dumka” (in Russian).

Kniga puteshestvija. Tureckij avtor Evlija Chelebi o Kryme (1666—1667 gg.) (Travel Book. Turkish writer Evliya Çelebi about the Crimea (1666—1667)). 1999. Simferopol: “Dar” Publ.

Kunik, A. 1876. *Tohtamysh i Firkovich. Po povodu spora o dvuh iskazhennyh evrejskih nadpisjah i dvuh vymyshlennyh letoischislenijah* (Tokhtamysh and Firkovich. Regarding the dispute over the two distorted Jewish inscriptions and two fictional chronology). Saint Petersburg: “Imperatorskaja akademija nauk” (Zapiski Imperatorskoj akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences). No 3. *Prilozhenie (Appendix)*) Publ. (in Russian).

Lazarenko, E. I. 1992. In *Problemy istorii “peshhernyh gorodov” v Krymu* (History problems of “cave cities” in Crimea). Simferopol: “Tavrija” Publ., 193—209 (in Russian).

Tret’ja uchebnaja jekskursija Simferopol’skoj muzhskoj gimnazii. Simferopol’ i ego okrestnosti (The third study tour Simferopol gymnasium. Simferopol and its environs). 1890. Simferopol: “Tipografija N. T. Gordievskogo” Publ. (in Russian).

Majko, V. V. 2009. In *Arheologija (Archaeology)* 2, 101—103 (in Russian).

Majko, V. V. In *Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works*). Vol. 3. Simferopol: “Antikva” Publ., 257—264 (in Russian).

Majko, V. V., Gavrilov, A. V. 2013. In *Drevnosti 2013. Khar’kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik (Antiquities 2013. Kharkiv Historical and Archeological Yearbook)* 12, 328—334 (in Russian).

Medynceva, A., Popkonstantinov, K. 1985. *Nadpisi iz Krugloj cerkvi v Preslave* (Inscriptions from the Round Church in Preslav). Sofija: “Bulgarska akademija na naukite” (in Russian).

Melitauri, K. N. 1975. *Stroitel’stvo i arhitektura Vardzii* (Construction and architecture of Vardzia). Tbilisi: “Micniereba” Publ. (in Russian).

Mogarichev, Ju. M. 1992. In *Problemy istorii “peshhernyh gorodov” v Krymu* (History problems of “cave cities” in Crimea). Simferopol: “Tavrija” Publ., 5—132, fig. 1—100 (in Russian).

Mogarichev, Ju. M. 1993. In *Istorija i arheologija Jugo-Zapadnogo Kryma* (History and archaeology of the South-Western Crimea), 213—224. Simferopol: “Tavrija” Publ., 213—225 (in Russian).

Mogarichev, Ju. M. 1994. In *Problemy istorii i arheologii Kryma* (Problems of history and archaeology of Crimea). Simferopol: “Tavrija” Publ., 57—67 (in Russian).

Mogarichev, Ju. M. 1997. *Peshhernye cerkvi Tavriki* (Cave Churches of Taurica). Simferopol: “Tavrija” Publ. (in Russian).

Mogarichev Ju. M. 2008. In *Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works*. Vol. 3. Simferopol: “Antikva” Publ., 82—90 (in Russian).

Mogarichev, Ju. M. 2010. *Krym. “Peshhernye goroda”* (Crimea. “Cave towns”). Kiev: “Vyshha shkola — XXI” Publ. (in Russian).

Mogarichev Ju. M., Sazanov A. V., Shaposhnikov A. K. 2007. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma “khazarskogo perioda”* (The Life of John of Gothia in the context of the history of Crimea of the “Khazar period”). Simferopol: “Antikva” Publ. (in Russian).

Musin, A. E. 1993. In *Arheologicheskie vesti* (Archaeological news) 2, 145—156 (in Russian).

Musin, A. E. 2015. In *Arheologicheskij al’manah* (Archaeological almanac). No 32. Kiev: “Antikvar” Publ., 271—304 (in Russian).

Myts, V. L. 1991. *Ukrepleniya Tavriki X—XV vv.* (Strengthening of Taurica X—XV centuries). Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Nedelkin, E. V. 2015. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 7, 184—190.

Obolenskij, M. 1848. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej* (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities). Vol. II. Pt. 2-3. Odessa: “Gorodskaja tipografija” Publ., 685—692 (in Russian).

Oborin, V. A. 1969. In *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR* (Materials and research on the archeology of the USSR). No 169. *Drevnosti Vostochnoj Evropy. K semidesjatiletiju Alekseja Petrovicha Smirnova* (Antiquities of Eastern Europe. On the seventieth birthday of Alexei Petrovich Smirnov). Moscow: “Nauka” Publ., 15—20 (in Russian).

Opisanie Chernogo morja i Tatarii, sostavil dominikanec Jemiddio D'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634. 1902. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)*. Vol. XXIV. Odessa: "Jekonomiceskaja tipografija i litografija" Publ., 89—180 (in Russian).

Ousterhaut, R. 2005. *Vizantijskie stroiteli (Byzantine builders)*. Kiev; Moskva: "Korin Press" Publ. (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godah (Observations made during a trip to the southern Russian governorship of the state in 1793—1794)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Nauchnoe nasledstvo (The scientific inheritance). Vol. 27) (in Russian).

Panchenko, K. S., Choref, M. M. 2008. In *Religija v zhizni cheloveka i obshhestva. Tezisy dokladov i soobshchenij X Mezhdunarodnoj Krymskoj konferencii po religiovedeniju*. Sebastopol: "NZHT", 58—59 (in Russian).

Panchenko, K. S., Choref, M. M. 2009. In *Sacrum et Profanum. Sbornik nauchnyh trudov (Scientific Collected Works)*. Vol. IV. *Religija v zhizni cheloveka i obshhestva (Religion in the human and social life)*. Sebastopol: "SPD Aref'ev M. Je." Publ., 225—228 (in Russian).

Pervaja uchebnaja jekskursija Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii. Sevastopol' i ego okrestnosti — Inkerman, Chersones, Balaklava, Georgievskij monastyr, Malahov kurgan, Bratskoe kladbishhe (The first field trip of the Simferopol gymnasium. Sebastopol and its surroundings — Inkerman, Chersonissos, Balaklava George Monastery, Malakoff, Fraternal Cemetery). 1889. Simferopol: "Tavricheskaja gubernskaja tipografija" Publ. (in Russian).

Pioro, I. S. 1990. *Krymskaja Gotija (Crimean Gothia)*. Kiev: "Lybid" Publ. (in Russian).

Polevoj, V. M. 1973. *Iskusstvo Grecii. Srednie veka (Greece Art. Middle Ages)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Popkonstantinov, K. 1980. In *Arheologija (Archaeology)* 3—4, 44 (in Bulgarian).

Popov, A. D. 2006. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The historical heritage of Crimea)* 12—13, 116—120 (in Russian).

Protokoly zasedaniya Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii. 1889. In *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)*. No 8. Simferopol: "Tipografija gazety "Krym"" (Publ.), 120—123 (in Russian).

Prohorov, D. A. 2014. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 6, 273—298 (in Russian).

Puteshestvie: *Puteshestvie ee imperatorskogo velichestva v poludennyj kraj Rossii, predprinjatoe v 1787 godu (Journey to Her Imperial Majesty in the South side of Russia, undertaken in 1787)*. 1786. Saint Petersburg: "Gornoe uchilishhe" Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1982. In *Kratkie soobshchenij Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* 172, 3—9 (in Russian).

Repnikov, N. I. Materialy k arheologicheskoy karte jugo-zapadnogo nagon'ja Kryma. Arhiv LO IA. F. 10. D. № 10 (in Russian).

Stanchev, S. T. 1952. In *Izvestija na arheologicheskija institut (Proceedings of the Archaeological Institute)* XVII, 324 (in Bulgarian).

Strukov, D. P. 1876. *Drevnie pamjatniki hristianstva v Tavride (The ancient monuments of Christianity in Taurica)*. Moscow: "Universitetskaja tipografija (M. Katkov)" Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. I. 1803. *Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu (Leisure of Crimean judge, or a second trip in Taurica)*. Pt. I. Saint Petersburg: "Imperatorskaja tipografija" Publ. (in Russian).

Tereshhenko, A. 1854. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshenija (Journal of the Ministry of National Education)*. Pt. LXXXIV. Saint Petersburg: "Tipografija V. S. Balasheva" Publ., 34—127 (in Russian).

Tunmann [J]. 1936. *Krymskoe khanstvo (Crimean Khanate)*. Simferopol: “Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krym. ASSR” Publ. (in Russian).

Turova, N. P. 2013. In *Stratum plus* 6, 79—105 (in Russian).

Turova, N. P. 2014a. In *Arheologichni doslidzhennja v Ukrayini 2013 (Archaeological research in Ukraine in 2013)*. Kiev: “IA NAN”, 88—89 (in Russian).

Turova, N. P. 2014b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 6, 93—173 (in Russian).

Turova, N. P. 2015. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 7, 154—183 (in Russian).

Uvarov, A. S. 1910. *Sbornik melkikh trudov (The collection of small works)*. Vol. 3. Moscow: “Tipografija G. Lissnera i D. Sobko” Publ. (in Russian).

Khapaev, V. V. 2008. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 1, 89—116 (in Russian).

Zuckerman K. 1998. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VI, 663—686 (in Russian).

Choref, M. M. 2007a. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 375—382 (in Russian).

Choref, M. M. 2007b. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 290—298 (in Russian).

Choref, M. M. 2008a. In *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik (Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works)*. Vol. 3. Simferopol: “Antikva” Publ., 265—281 (in Russian).

Choref, M. M. 2008b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 1, 117—130 (in Russian).

Choref, M. M. 2008c. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 1, 145—153 (in Russian).

Choref, M. M. 2008d. In *Issledovanija po armenistike v Ukraine (Research on Armenology in Ukraine)*. Vol. 1. Simferopol: “Pechatnyj salon “PrintPix””, 67—70 (in Russian).

Choref, M. M. 2009a. In *Istorik i ego jepoha: Vtorye Danilovskie chtenija (20-22 aprelja 2009, g. Tjumen)* (*Historian and his era: Second Danilov reading (April 20-22, 2009, Tyumen)*). Tjumen: “Mandr i K” Publ., 360—367 (in Russian).

Choref, M. M. 2009b. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XV, 408—410 (in Russian).

Choref, M. M. 2010. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XVI, 274 (in Russian).

Choref, M. M. 2011. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 359—370 (in Russian).

Choref, M. M. 2015a. In *Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii k 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941—1945 gg. Centr nравственного и патриотического воспитания*

“NASLEDIE” (*Proceedings of the II International scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945. The center of moral and patriotic education "HERITAGE"*). Kostroma: “Kostromskoj gosudarstvennyj tehnicheskij universitet”, 150—152 (in Russian).

Choref, M. M. 2015b. *Istorija vizantijskoj Tavriki po dannym numizmatiki* (*The history of Byzantine Taurica on the basis of numismatic data*). Tjumen'; Nizhnevartovsk (*Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* Supplement 1) (in Russian).

Choref, M. M. 2015c. In *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (*Culture, science, education: problems and prospects: Proceedings of IV All-Russian scientific-practical conference*). Nizhnevartovsk: “Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet”, 200—203 (in Russian).

Choref, M. M., Jashaeva, T. Ju. 2008. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* (*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) XIV, 434—447 (in Russian).

Choref, M. Ja. 1972. Otchet ob arheologicheskikh raskopkah na Chufut-Kale v 1971 g. Arhiv M. Ja. Choref'a (in Russian).

Choref, M. Ja. 1973. Otchet ob arheologicheskikh ohrannyyh rabotah na srednevekovom gorodishhe Chufut-Kale i v Bahchisarajskom rajone, provedennyh v 1972 g. Arhiv M. Ja. Choref'a (in Russian).

Choref, M. Ja. 1974a. Otchet o planovyh i ohrannyyh arheologicheskikh rabotah, provedennyh zav. otdelom peshhernyh gorodov Bahchisarajskogo istoriko-arheologicheskogo muzeja Chorefom M. Ja. v 1973 godu. Arhiv M. Ja. Choref'a (in Russian).

Choref, M. Ja. 1974b. In *Arheologicheskie otkrytija 1973 g.* (*Archaeological Discoveries in 1973*). Moscow: “Nauka” Publ., 359 (in Russian).

Choref, M. Ja. 1976. Otchet ob arheologicheskikh otkrytijah na srednevekovom gorodishhe Chufut-Kale, sdelannyh v period provedenija rabot po blagoustrojstvu jetogo pamjatnika v 1975 g. Arhiv M. Ja. Choref'a (in Russian).

Choref, M. Ja. 1977. Otchet ob arheologicheskikh rabotah na srednevekovom gorodishhe Chufut-Kale, provedennyh v period rabot po blagoustrojstvu jetogo pamjatnika v 1976 g. Arhiv M. Ja. Choref'a (in Russian).

Choref, M. Ja. 1985. In *Arheologija i tradicionnaja jetnografija Severnoj Osetii* (*Archaeology and Traditional Ethnography of North Ossetia*). Ordzhonikidze: “SONII” Publ., 67 (in Russian).

Choref, M. Ja. 1993. *Krymskie karaimy* (*Crimean Karaites*). Moscow (in Russian).

Choref, M. Ja. 1997. In *Bogi Tavridy: istorija religij narodov Kryma* (*Gods of Taurica: History of Religions Peoples of Crimea*). Sebastopol, 220—228 (in Russian).

Choref, M. Ja., Choref, M. M. 2008. In *Religija v zhizni cheloveka i obshhestva: tezisy dokladov i soobshchenij X Mezhdunarodnoj konferencii po religiovedeniju* (*Religion in the life of man and society: abstracts, and the messages of the International Conference on Religious Studies*). Sebastopol, 13-16.05.2008 g. Sebastopol: “NZHT”, 78—79 (in Russian).

Choref, M. Ja., Choref, M. M. 2009. In *Sacrum et Profanum. Sbornik nauchnyh trudov* (*Scientific Collected Works*). Vol. IV. *Religija v zhizni cheloveka i obshhestva* (*Religion in the human and social life*). Sebastopol: “SPD Arefev M. Je.” Publ., 229—234 (in Russian).

Shapira, D. 2003. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* (*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) X, 533—555 (in Russian).

Shevchenko, Ju. Ju. 2010. *Christianskie peshhernye svyatyni* (*Christian cave shrine*). Vol. 2. *Podzemnye svyatyni christianskoj Rusi. Genezis, funkcionirovanie, kontekst* (*Underground shrine of Christian Russia. Genesis, functioning, context*). Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shevchenko, Ju. Ju. 2011a. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of*

Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy 3, 55—147 (in Russian).

Shevchenko, Ju. Ju. 2011b. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 244—274 (in Russian).

Shevchenko, Ju. Ju. 2012. Eshhe raz o Gotskoj mitropolii. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 4, 109—124 (in Russian).

Shukurov, Sh. M. 2002. *Obraz Hrama (The image of the Temple)*. Moscow: “Progress—Tradicija” Publ. (in Russian).

Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Jefrona (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary). 1901. Vol. XXXIV. *Trump — Uglerodistyj kal'cij (Trump — calcium carbide)*. Saint Petersburg: “Tipolitografija Akc. Obshh. “Izdatel'skoe Delo”, Brokgauz—Efron” Publ., 418—419 (in Russian).

Ernst, N. L. 1929. In *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i jetnografii (Proceeding of Taurian Society of History, Archaeology and Ethnography)*. Vol. III(60). Simferopol: “Krympoligraftrest” Publ., 25—36 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1950. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on the archeology of the USSR)*. No 17. Moscow; Leningrad: “Akademija nauk SSSR” Publ., 109—159 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyj Krym (Medieval Crimea)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Jashaeva, T. Ju. 1994. In *Problemy istorii i arheologii Kryma (Problems of history and archaeology of Crimea)*. Simferopol: “Tavrija” Publ., 71—81 (in Russian).

Jashaeva, T. Ju. 1998. In *Istoriko-kul'turnye svjazi Prichernomor'ja i Sredizemnomor'ja X—XVII vv. po materialam polivnoj keramiki: tezisy dokladov nauchnoj konferencii (Historical and cultural links the Black Sea and the Mediterranean X—XVII centuries. Materials glazed ceramics: abstracts of scientific conference)*. Simferopol, 198—200 (in Russian).

Jashaeva T. Ju. 1999. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* 10, 349—358 (in Russian).

Jashaeva, T. Ju. 2006. In *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XII, 321—360 (in Russian).

Encyclopaedia Judaica. 2007. 2nd Edition. Vol. 7. Fey — Gor. Detroit; New York; San Francisco; New Haven; Waterville; London: “Thomson Gale” Publ.

IOSPE V: Vinogradov, A. 2015. *The ancient inscriptions of the Northern Black Sea Coast*. Vol. 5. *Byzantine inscriptions*. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/locations.html> (accessed 01.10.2015).

Rodley, L. 1985. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. London: “Cambridge University Press” Publ.

Ševčenko, I. 1971. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus. *DOP* 25, 117—188.

פִּירָקָאַיּוֹץ אַבְרָהָם. רְפָס יִנְבָּא וּרְכָז: יְרִיכָּה יִצְחָב לְעַזְוּבְּצָמָה תּוּמִישָׁר פְּסָאָמָה. וּוְילְנָא: S. I. Fina i A. G. Rozenkranca” Publ.

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
БИКиАМЗ	— Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗКОЕиЛП	— Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИНМВ	— Известия на Народния музей — Варна. Варна.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КСИА	— Краткие сообщений Института археологии. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
РА	— Российская археология. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
ССб.	— Судейский сборник. Киев; Судак.
ТУАК	— Таврическая ученая архивная комиссия.
IOSPE	— <i>Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.</i>
Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология = Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.

**Чореф Михаил Яковлевич
Чореф Кристина Степановна
Чореф Михаил Михайлович**

«Пещерный» монастырь у Южных ворот Чуфут-Кале

МАИАСК. Supplement 2 (2016)

Археология, история, нумизматика, сфрагистика и
эпиграфика.
2016. — 74 стр.

Подписано к печати 07.11.2016

Нижневартовский государственный университет,
«МАИАСК» Р.Р.

Адрес: ул. Ленина, д. 56, г. Нижневартовск,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
628605, Россия

Формат 60×84%. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 2515.

Опубликовано в Издательстве Нижневартовского
государственного университета:
Адрес: ул. Дзержинского, д. 11, г. Нижневартовск,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
628615, Россия

МАИАСК. Supplement 2 (2016)

Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and
Epigraphy.
2016. — 74 pp.

Endorsed for print November 07, 2016.

Nizhnevartovsk State University,
“MAIASK” Journal:

Address: Lenina St. 56, Nizhnevartovsk,
Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra,
628605, Russia

Format 60×84%. Font “Times”.
Internet journal. Order No 2515.

Published in the Publishing House of the Nizhnevartovsk
State University:
Address: Dzerzhinsky St. 11, Nizhnevartovsk,
Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra,
628615, Russia